

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ПОТАНЦУЙ
НА КРАЮ ОБРЫВА

ДРАКОН
ЦВЕТА
КРОВИ

Галина Дмитриевна Гончарова
Дракон цвета крови
Серия «Колдовские миры
Галины Гончаровой»
Серия «Полет цвета неба», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70332100

Г. Д. Гончарова. Дракон цвета крови: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199415-0

Аннотация

Страшное потрясение ждет Академию Драконариев. Привыкли издеваться над безответной однокурсницей, а она вдруг поменялась. Да так, что страшно становится. Результат жестокой шутки привел к тому, что душа Каэтаны ушла, и в ее теле оказалась душа женщины иного мира. Комсомолки, спортсменки и фитнес-тренера. Зоя в себе сомневаться и терпеть унижения не будет. И займется она тем, что лучше всего умеет. Создаст свою спортивную секцию. Говорите, женской дружбы не бывает? Еще как бывает. Рецепт прост. Много спорта, много врагов вокруг – и драконы. Смешать, взболтать... драконы против

и уже изволили скушать врагов? Тогда оставляем тренировки. А драконы – драконы сами останутся. Драконы цвета крови врагов.

5 причин купить книгу:

1. Вы сможете полетать на драконе и поплавать с ним.
2. Узнаете о том, как тренировки влияют на потомственных дворянок.
3. И о том, что будет, если принести в другой мир что-то новенькое (фитнес, стрип-пластику, брейк-данс).
4. Потанцуете на краю обрыва.
5. Раскопаете древнюю историю предательства.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	22
Интерлюдия	61
Глава 2	65
Интерлюдия	131
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Галина Гончарова

Дракон цвета крови

© Гончарова Г. Д., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*** * ***

Пролог

Бывают моменты, когда ты летишь на крыльях. Любви, удачи, победы...

Я точно знаю – бывают.

Но бывают и моменты, когда ты падаешь, падаешь, падаешь... и неважно, что ты сейчас твердо стоишь на ногах, а не находишься в кабине лифта. Ты падаешь в бездонную черную яму.

Или в зрачки другого человека.

Сегодня со мной это уже третий раз.

– Зая, ну ты понимаешь, так получилось...

Понимаю.

Что я понимаю?

С утра я поняла, что весь мой опыт, все таланты, умения и навыки ничтожны перед деньгами, связями и истериками. Да, вот так.

Мишка, хозяин клуба, в котором я работаю, очень долго извиняется. И в глаза мне не глядит принципиально. Потом уж со злостью хлопает бокал коньяка и рывкает от души:

– Зойка, какого х...! Эта дура тебя просто приревновала, вот и все!

– Мишка, тебе чем поклясться?! Я даже повода не давала!

– И плевать, что тебе ее пузырь сорок лет не нужен! Хватит и того, что ты ему улыбнулась. Целых два раза.

– Я ему, кажется, просто сказала, что жена сейчас освободится...

Означенного «пузыря» я почти не помнила – к чему? Это своих подопечных я запоминаю надолго и всерьез, а их родственников фильтрую как незначительную информацию. Вот будут у меня заниматься – запомню.

Кажется, мужчина. Полный, важный, щекастый... мне такие никогда не нравились. Предпочитаю совсем другой тип. Да и замужем я...

– Ты! Сказала! Зайка, если б ты видела, как выглядишь...

– Видела.

После тренировки?

Мокрая, усталая, измотанная, без косметики и в любимой полинявшей маечке – чучело огородное смотрится лучше. А что? Нет? Я ж не просто тренирую девчонок, я и сама с ними выкладываюсь.

Мишка качает головой.

– Не видела. Ты как лампочка светишься. И тут уж плевать... ты знаешь, сколько у меня твой телефон просили? Десятками!

– Все равно ты меня увольняешь.

– Эта дура – дочь Волковского, а они с нашим шефом кореша. И, Зай...

– Да?

– Ты бы пока уехала из Москвы, а? В ближайший год ты тут точно работы не найдешь, эта стерва постаралась тебе

все перекрыть.

Я только плечами пожимаю.

Ну и ладно. Мы с мужем давно хотели завести ребенка. Будет куда потратить этот год. А что до денег – не пропадем. У нас достаточно отложено, чтобы прожить и три года. Если, конечно, очередного кризиса не случится.

Но все равно – ощущение падения. И обиды.

За что?

А вот просто так! Тапком – и по носу! Во имя высшей подлючести и мерзавности! Не расслабляйся, Зойка!

* * *

Второе осознание реальности происходит в поликлинике.

Дорогой, между прочим. И не за паркетные полы тут платят. Полы как раз самые простые, плитка, кажется, еще с советских времен осталась. Врачи тоже не анкетные. Большую часть я давно и прочно знаю, еще со времен своей спортивной карьеры.

Я не сказала?

Когда-то гимнастка, теперь – фитнес-тренер. Заодно веду восточные танцы, стрип-пластику и аэробiku. Специалист-многостаночник. Хоть на шесте, хоть без шеста.

Так многие спортсмены кончают, знаете ли. Глядя в телевизор, восхищаясь олимпийцами и планируя блистательные карьеры для детей – советую помнить. На одну пробившуюся

ся приходится десять тысяч съеденных. Растоптанных, сломавшихся или – мой случай – просто вышедших в тираж.

К примеру, балерина не должна быть выше определенно-го роста. Сто шестьдесят пять – и не больше пятидесяти килограммов веса. А то и меньше. Переросла?

Свободна, детка. Или пляши всю жизнь в седьмом ряду на пруду.

С другой стороны, если в тебе те же сто шестьдесят пять сантиметров, ты можешь всю жизнь пробиваться в баскетбол. Упорно и безрезультатно.

Единичные исключения, увы, только подтверждают правило. И то – частенько стоит посмотреть родственников и друзей тех самых исключений.

Остальные... единицы из нашего потока устроились нормально – по их меркам. Кто-то работает в школе, кто-то, как я, по спортзалам. А сколько спилось? Скололось? Ушло в криминал?

Я не знаю статистики, я вижу своих однокурсников. И результат печален.

Поток – по сто человек на курсе. Живы-здоровы человек десять. Успеха не добился никто. Такого, оглушительного, чтобы на всю страну прогреметь. Я еще более-менее устроена.

Дом, семья, работа... была.

Ладно. Займемся ребенком.

И тут мне прилетает тапком второй раз. В поликлинике

светло, уютно, пахнет чем-то неуловимо медицинским, а я себя чувствую как в глубоком подвале.

– Вы бесплодны.

– К-как?

Гинеколог смотрит на меня серьезно и спокойно.

– Вы же спортсменка в прошлом? Правильно?

– Да.

– Нагрузки. Плюс простывали в детстве, верно?

– Ну да... на сборы ездила...

До сих пор раз в месяц такие боли, что едва таблетками спасаюсь. Но лечить было некогда. А теперь...

Поздно.

Слово звучит приговором.

Я могу усыновить ребенка, но не родить своего. Даже яйцеклетку для суррогатной матери у меня взять не получится. Увы. И об этом надо сказать мужу.

Я встаю из удобного кресла в кабинете врача, но это внешне. А внутренне я словно падаю. В глубокий темный колодец без дна. Но меня ведь есть кому подхватить. Мы с мужем договорились сегодня поужинать в ресторане.

* * *

– Зай, тут такое дело...

– Какое?

– Ну... я... и Оля...

Он сидит напротив. Кудрявый, симпатичный, высокий, стройный, мечта половины женщин в этом зале. А мне хочется выплеснуть на него вино, расцарапать ему щеки, закричать.

Потому что другая женщина беременна от него. И ждет от него ребенка.

И я ему не нужна.

И я падаю, падаю, падаю... темнота накрывает меня...

На что меня еще хватает, так это сохранить лицо. Я встаю из-за стола и улыбаюсь.

– Замечательно, дорогой. Надеюсь, ты помнишь, что все МОЕ имущество оформлено исключительно на МЕНЯ? Собрай вещички – и проваливай.

Муж меняется в лице.

– Зоя! Это мелочно! Я столько лет с тобой жил...

– Не только со мной. Это первое. И все, что я заработала, я заработала без тебя. Своим трудом и горбом. Так что свободен, лапочка.

Фамилия мужа – Лапочкин. И весь он такой... лапочкин...

Да и пропадом ты пропади!

Встаю и выхожу из ресторана на улицу. Иду на автостоянку. И...

Машины, которая выруливает из-за угла, я решительно не вижу.

Вспышка.

Удар.

И чернота, в которую я падаю уже по-настоящему.

* * *

Свет в конце тоннеля?

Он частенько оказывается поездом. Вот и сейчас на меня смотрят с укоризной. Не свысока, не зло, не обидно, но... я разочаровала существо рядом со мной. И это чувствуется.

И мне хочется плакать.

Я не знала, но разве это избавляет от ответственности?

– Ай-ай-ай. А еще такая взрослая девочка...

– Никому не нужная. Пустая... Вот зачем я? Детей у меня не будет. Семьи нет. Работы нет. Ничего нет. И меня тоже. Так... так будет лучше.

Из сияния формируется женский силуэт, и меня ласково гладят по голове.

– Знаешь, какой самый страшный грех?

– Убийство?

– Отчаяние, маленькая. Отчаяние. Смотри сюда. Вот это могло бы случиться. Но ты отчаялась и опустила руки.

На кончике ее пальца загорается свет. И я смотрю.

Я вижу, как выливаю на бывшего... – да, уже бывшего – супруга вино.

Прямо на кудрявую голову.

Слушаю его вопли, как музыку. И аплодисменты из-за со-

седнего столика. С мужчиной, который подходит ко мне, я и уезжаю. И закономерно провожу ночь в его постели.

А наутро...

Наутро у меня начинается новая жизнь.

Оказывается, у него есть дочь. И бывшая жена, с которой он воюет за ребенка.

И свое дело – более того, дело, в котором я разбираюсь. Торговля спортивным питанием.

Лента времени разматывается все быстрее. И вот мы уже у дома, на лужайке, вокруг нас трое детей...

– Я смогла родить?

– Нет. Вы их усыновили.

И мне становится больно. Так больно...

– Зачем?

За что ты мне это показываешь? Я так провинилась этим моментом отчаяния? Да? Там, упиваясь своим горем, я предала не только себя.

Я подвела еще и их. Таких счастливых... а теперь ведь этого не будет. Это ад?

Да?

– Нет. Это возможность.

– Возможность?

– Ты неглупа. И должна понимать, что ада и рая в вашем понимании не существует.

Я пожимаю плечами. С этим я согласна. Глупо же! Сто лет на земле – и вечность на облаке? Да там уже, наверное,

перенаселение!

Определенно, все не так просто.

– Непросто. Но мы сейчас не о божественном замысле, а о том, что ты впала в грех отчаяния, фактически покончила с собой. Предала и себя, и мужа, и детей. И если говорить обо всем остальном – еще и маму, и отца, и сестренку... думаешь, им больно не будет?

Я опускаю глаза.

Больно? Кто бы сомневался – будет. И мое имущество – у меня ведь завещание написано на всякий случай, на маму, так что Димочка пролетит мимо со своей Олечкой, – ничего для родных не изменит. Им все равно будет больно, как мне сейчас.

Так тоже, оказывается, бывает. Не знала и не ведала, а виновата. И я уверена, что существо не врет. Здесь вообще не врут.

На несколько минут в пространстве повисает тишина. Потом сгусток света начинает трансформироваться.

Существо... сейчас оно становится похоже на женщину. Как персонификация какой-нибудь доброй тетушки. Вот так и выглядят настоящие русские красавицы, жены и матери, лет в пятьдесят – теплые, сдобные, от нее даже пахнет свежесдобленным хлебом, вкусно так...

Уютно.

Теплая рука гладит меня по голове.

– Ты хочешь все исправить?

Мне могут дать шанс?! Тогда это рай!

– Да.

Женщина вздыхает. И я осознаю, что рай там, не рай, а выбирай. Халявы не будет.

– Зоя, в моих силах помочь тебе. Но... не бесплатно.

– Что я должна сделать?

Этот подход я понимаю. Ты мне, я тебе, товар – деньги, все логично. Бесплатно только гадюки яблочки предлагают. Червивые.

– Я могу аннулировать несколько секунд. И вернуть тебя в тот ресторан, за стол. Но и ты должна будешь мне отработать.

– Как и чем?

Женщина проводит рукой – и в воздухе загорается окно. За ним, как в роликах, потихоньку кружится планета, чем-то похожая на Землю.

Моря, континенты, белые облака, зелень...

– Смотри сюда. Это Фейервальд.

– Фейервальд?

– Мир, где очень требуется восстановить равновесие.

– Да? И как?

– Тебе придется меня выслушать. Я – богиня, в том понимании, которое вы вкладываете в это слово. И мое имя Даннара.

– У нас такой не было.

– Была. Только носила другое имя. У славян, у твоих предков, меня звали Живой.

– Жива? Нет, не слышала.

– А что ты вообще знаешь о ваших богах? Впрочем, это неважно сейчас. Мы ушли, когда пришло христианство, ушли в другие миры. Но связи сохранили. А сейчас, когда христианство ослабло, народ просто ходит в храмы, но не верит, мы можем заглядывать. Возвращаться. И даже искать себе помощников. Боги, чтобы ты знала, не могут сами спускаться в миры и действовать в них.

– Почему?

– Это как распашонку на взрослого надевать. Сил много, повернешься – и только нитки затрещали.

Я киваю.

– Допустим. И получается, что вы ищете себе помощников. Типа... аватара?

– Нет. Аватар – это иное. Я не дам тебе своих сил, не стану говорить твоими устами, не буду творить чудеса твоими руками. Там в меня и так верят, да и... аватары обычно плохо кончают. Тебе нужна судьба Христа?

– Обойдусь.

Подозреваю, что помирать – больно и неудобно. У меня-то хоть быстро было, а если мучиться? Долго? Не хочу, боюсь боли.

– Поэтому слушай внимательно. На Фейервальде было нарушено равновесие. Если ты сможешь его восстановить – получишь долгую и счастливую жизнь. И люди в твоём мире её получат. Энергию, которая образуется от разделения ду-

ши, я направлю на решение твоей проблемы. Ты выльешь на бывшего мужа вино – и все у тебя будет хорошо. Там и так.

Шар с семьей – моей семьей! – погас. Я прикрываю глаза, потом открываю их снова и смотрю на богиню.

– Хорошо. Допустим. Но это будет счастлива ОНА, не я?

– Да. Я разделю вас. Ты – вторая половина души. И ты туда не вернешься, ты отправишься на Фейервальд. А та, первая половина, не будет помнить о тебе. Но проживет долгую и счастливую жизнь. Именно так, как я говорила.

Я думаю недолго.

Меня не обманывают, я это знаю. Чувствую.

Но даже если и обманывают – что я теряю? Да ничего! Зато смогу посмотреть другие миры, смогу что-то делать дальше, смогу многое изменить для себя и в себе.

– Если я откажусь?

– Перерождение. Я не властна над твоей душой. Ты же крещеная, поэтому посвящена другому богу. Просто одна из твоих прабабок была моей жрицей. Вот я и смогла тебя... перехватить.

– Почему именно я?

– Потому что нарывы надо вскрывать снаружи. Не изнутри. Те, кто живет в том мире, они не видят проблему, они принимают ее как должное. И не могут с ней справиться.

– Нарыв может прорваться сам.

– А может перейти в гангрену, воспаление, погубить организм.

– Угу. Суть ясна.

Мне действительно было более-менее понятно.

– Если я не соглашусь добровольно...

– Я просто отпущу твою душу. А дальше – все как вам, христианам, положено.

– Понятно. Допустим – пока допустим, я соглашаюсь...

Даннара улыбается, и я продолжаю:

– Вы вернете часть моей души обратно.

– Слепок.

– Что с ней будет после смерти?

– Все как обычно. Это... говоря понятным тебе языком, как амеба. Поделившись пополам, она потом опять растет до нужного состояния. Тебе, правда, будет легче, тебе достанется новое тело, а вот Зоечке там, на земле, тяжелее. Но она встретит любимого и любящего. Это поможет. И я обещаю приглядеть за ней.

Больше я не колеблюсь.

– Я согласна. Кровью подписывать надо?

– Нет. Вначале было Слово. И твоего слова достаточно для мироздания.

Хм. Какое я весомое существо... в мироздании.

Даннара опять улыбается. Явно читает мои мысли. Ну и ладно, я все равно померши. Пусть читает, если не боится.

– Ты хотела меня еще расспросить, верно?

– Хотела. Уточнить задание. Вы сказали – восстанавливать равновесие. Это как?

– Я не смогу тебе рассказать много. Это тоже нарушение равновесия.

– А о мире?

– Ты будешь знать то, что будет знать твой реципиент.

– Мой кто?

– Ты не знаешь, что такое реципиент?

– Теоретически знаю.

Просто не вязалось с божественным обликом вот это все... амебы, реципиент...

– А как я должна разговаривать? На старославянском? – Даннара смотрит с материнской улыбкой. И мне становится стыдно. Ну да! Бог сотворил Вселенную, а изъясняться он должен как? Чтобы мы его понимали?

Даже жалко богов. Поди объясни все... амебе.

– Извините. Я постараюсь не перебивать.

– Ничего страшного, Зоя. Твой реципиент – моя адептка. Она посвящена мне при рождении. Ее мать была моей жрицей, хотя и тайно, и посвятила мне дочь. Она погибла.

– Мать или дочь?

– Обе.

– Хм... несчастный случай – или грибочки есть не хотела? Даннара только головой качает.

– Это тебе тоже предстоит выяснить самостоятельно. Зоя, не могу я!!! НЕ МОГУ!!! – Богиня аж переливаться начала всеми цветами, словно радуга. – Боги не всемогущи, к сожалению. В противном случае мы могли бы решить все сами,

но мы не имеем права вмешиваться напрямую. Я могу выдернуть твою душу – и я дорого заплачу за это. Я могу дать толчок, но я не имею права тебе что-то рассказывать. Боги не всеведущи, но доступное нам куда больше вашего.

– Я понимаю...

– Но тебе от этого не легче.

– Не легче. Но вы мне сделали предложение, от которого глупо отказываться. И я сделаю тоже. Все возможное и невозможное.

– Ты умничка и настоящий боец. Еще и поэтому я выбрала твою душу.

– Спасибо. Но я тогда о деле. Я в дурдом не загремлю? С вашей реципиенткой?

– У тебя будет ЕЕ память. Не моя, а ее. Все, что знала она, будешь знать и ты.

– Ага... А моя память?

– И твоя тоже. Ты останешься сама собой, просто получишь доступ к ее знаниям. Они будут постепенно всплывать по мере надобности. Как гугл-поиск, пользуясь вашими сравнениями. Может поболеть голова, но не сильно.

– Угу. Компьютер перегреется. Надеюсь, она не прогуливала школу.

– Нет. Не прогуливала. Училась девочка очень тщательно. – В голосе богини скользит затаенная грусть. – Но ее душу почти сломали. Ее затравили, как зверя, и она не нашла выхода. Посвящение позволило мне призвать ее душу, оно

же позволит и дать ей хорошее перерождение.

Я киваю.

– Мне надо за нее мстить?

– Нет. У нее не было желания мести. Так что это на твое усмотрение.

– Найти равновесие... ладно. Я буду искать. А если кто под руку подвернется, сам и виноват будет.

– Примерно так. И это мне тоже в тебе нравится. Ты не злая, не мстительная... ты даже на мужа уже не злишься.

– Если все сложится так, как вы мне показали?..

– Даю слово.

– Тогда ему и мстить не надо. Ему жизнь будет хуже смерти.

Богиня улыбается.

– Вполне возможно. Но выбирает он сам. Как и ты.

– Я выбрала, – подтверждаю я. – Можете меня отправлять, если больше ничего не расскажете. Чего время тянуть?

И получаю в ответ очередную улыбку.

– Отправляю. Смотри сюда...

Передо мной загорается очередной огненный шар. И я смотрю в его прозрачную глубину.

Языки пламени притягивают, завораживают... толчка в спину я даже не ощущаю, только понимаю, что падаю, падаю... не много ли за один день падений?

Глава 1

– Недоумок! Если она умерла – ты под суд пойдешь!

Фу, какой визгливый голос. Просто фу таким быть!

– Она не должна была...

Второй голос мне не понравился. Внутри все инстинктивно сжалось... от страха? Так... и кого это я так боюсь?

– Должна, не должна... Ты представляешь, что с нами делает ректор? А ее родители?

– Мамаши у нее нет, папаше все равно, он чокнутый...

Какая замечательная аттестация! Почему мне кажется, что это про меня? И кто я такая? Раз уж мне память обеща-ли?

Уй-й-й-й-й-й!

Кто ж знал, что это ТАК больно? Это вам не странички в интернете перелистывать. В левый висок словно игла вонзилась, я бы взвыла, но пока сил не было даже на это. Зато теперь я знала, кто я и что я.

Каэтана Кордóва, студентка в Академии Драконориев. Семнадцати лет от роду.

Первый курс, второй месяц обучения. Самое подходящее существо для троллинга и буллинга, чего уж там.

Отец – Рауль Кордова, ученый. Не богат, но знатен, примерно тридцать поколений благородных предков. Так что приставку «эс» он носит по праву. Эс Кордова или, в моем

случае, – эсса Кордова.

Единственная эсса, потому что мать умерла, когда Каэтана было пять лет.

У нас есть небольшое поместье... асиенда. Так они называются здесь. Асиенда...

Каэтана – симпатичная девчужка, которая всю жизнь прожила с отцом. Теоретически ученый знал, что девочек надо воспитывать. Практически же...

Вечно эти высокоумные теории не согласуются с реальной жизнью. У девочки были гувернантки и воспитательницы, но... отец нанял ту, которая была похожа на его собственную.

Раэша Летиция Луна воспитала девушку именно так, как воспитывали ее саму. Поднять глаза на мужчину – грех, улыбнуться – грех, слово сказать – смертный грех. За все это чуть ли не расстрел на месте. И вот это вот, запуганное-зашуганное, отправили в Академию Драконариев.

Об этом отец теоретически тоже знал, туда всю благородную молодежь зачисляют...

Ох-х-х... да что ж так больно-то? Я взвыла и попробовала поднять голову.

– Жива! – выдохнул подозрительно знакомый голос.

Щелк – память.

Мариса Лиез, разумеется, эсса.

– Я же говорил. – Второй голос. И снова память – щелк.

В любом коллективе есть такие существа, которые само-

утверждаются за чужой счет. Не отравил никому жизнь – день прожит зря.

Это есть в садике, школе, институте, на работе... лучший метод борьбы – перевести ваши отношения в силовую плоскость. То есть ввалить негодяю так, чтобы он собирал выбитые зубы сломанными пальцами. Но это было хорошо для меня.

Которую, кстати, тоже воспитывал отец. Только мой был военным. Девочек воспитывает отец, а учит мать. Мальчиков воспитывает мать, а учит отец. Поговорка такая.

А тут...

Девочка и глаза-то поднять боялась лишний раз, не то что огрызнуться или пнуть негодяя. Идеальная жертва.

Одетая по моде сорокалетней давности, воспитанная как для монастыря, шепчущая что-то на занятиях и глаз не смеющая поднять от избытка стеснительности. Находка для подонка.

Подонок в данном случае – Матиас Лиез. И девочка его боялась до истерики. Она голову поднять не могла, шевельнуться боялась, чтобы не стать мишенью для очередных насмешек или издевательств.

Потому у меня все внутри и сжимается...

Надо эту ситуацию исправить. Погоди, Матиас, ты еще научишься при моем появлении отползать в уголок, прикидываться ветошкой и молиться, чтобы пронесло. А еще заикаться и писаться. Слово Змеи Особо Ядовитой.

Данный тролль, кстати, родной младший брат Марисы. Девушки с визгливым голосом. Понятно, она его опекает, как может. А меня... меня и защитить некому. На меня всем наплевать.

То есть Каэтану травили все, кому не лень было рот открыть. Что ж, пришла пора изменить эту ситуацию в корне. Я кое-как оторвала голову от пола и оскалилась милой улыбкой Зюечки-Заечки.

Это друзья меня зовут Зайкой. А для врагов у меня другое имя.

Змея Особо Ядовитая.

И сейчас я накапливала яд на клыках.

– Ты жива? Так вставай давай, что разлеглась? – потребовала Мариса. Еще и ногой меня подтолкнула. Ну, все.

Ты попала, зараза.

Щелк – память вернула еще один кусочек.

Матиас, эта тварь, стащила у Каэтаны нижнее белье. Трагедия?

Смотря кому.

Я бы посоветовала ему носить и менять ориентацию. Но Каэтана? Малолетка, воспитанная в строгих правилах? Этот гаденыш пообещал ей, что вывесит ее белье на флагштоке. А если она не хочет, пусть приходит ночью в Знаменную башню и снимает свое бельишко сама. А то к утру его все увидят.

Знаменная башня, ага. Названа так потому, что на ее вершине гордо реет знамя академии. Больше всего она напоми-

нает колокольню. Да и нет там ничего, кроме часов, колокола и знамени.

И лестницы.

Крутой. Угловатой.

Понятно, ночью дурочка Каэ помчалась за своим бельишком... Дрожа, шарахаясь от каждого куста, дергаясь и переживая. А этот недоумок еще напугал ее на лестнице...

Конечно, девчонка споткнулась. И покатила вниз по ступенькам.

Надо полагать, она свернула шею и попала к Даннаре.

А я вот... я – в ее тело.

И теперь у местных шутников возникнут большие проблемы. Капитальные.

– Зачем? – лениво поинтересовалась я. – Не-не, я до утра полежу. А вдруг у меня переломы? Или еще какие-то травмы? А утром найдут меня, расспросят, записочку прочитают, которую твой братик мне подсунул. Ну и разберутся как положено.

Мариса побледнела.

– Ты...

– Я, конечно. Знаешь, что он мне написал?

Поскольку Матиас был дураком и подонком, который самоутверждался за счет Каэтаны и не ждал от нее подвоха, он и написал все открытым текстом.

Мол, придешь в башню – отдам белье. Нет – всем его покажу.

Х-ха!

И записочка у меня лежит... как я люблю компроматы! Буллинг, троллинг... вы знаете, что делают с пойманными троллями? Правильно, тащат на лабораторный стол для препарирования и тщательного изучения. А потом – разделка и баночка со спиртом.

– Да кто тебе поверит? – вякнул Матиас.

– Мне? Твоему почерку поверят, твоим чернилам из гра-сальских орешков и золотой пыли, о которых ты всем уши прожужжал, да и следы остались наверняка. У тебя ума не хватит их убрать, – припечатала я. – Записочка у меня в надежном месте лежит, я ее завтра ректору предъявлю и плакать буду. Горько-горько. Так что... пеняй на себя. Что у нас за такие шуточки в Уставе прописано? Исключение? Или сразу под суд? За покушение на убийство... это же ты меня напугал? Вот, считай, лишение дворянства. А то, может, и тюрьма. Не казнят, я жива осталась. Но ты еще будешь мечтать о плахе.

Мариса зашипела словно гадюка.

– Да я тебя...

– Это если ты за братцем не полетишь летягой, – ехидно отозвалась я. – Кто ж поверит, что у него ума хватило на такую подлость! А вот если ты подсказала... я намекну, что эс Морено обратил внимание на меня, и все поймут.

Скрежет зубовой стал для меня настоящей симфонией. Оба Лиеза скрежетали зубками, понимая, что попали. И

поделаться со мной ничего не смогут.

Тащить меня за руки, за ноги? А я еще и орать могу, и отбиваться. И до рассвета не так чтобы далеко. Каэтана полночи по комнате металась, этот полудурок чуть не ушел спать. Но желание поиздеваться было сильнее желания выспаться.

Козел!

Надеюсь, сестричка шкуру с него сдерет. Шпильками. А если она не справится, я помогу.

– Чего ты хочешь? – сдалась сестричка.

Ага, вопрос на миллион. Чего я хочу?

Память Каэтаны послушно зашевелилась, и я насмешливо ухмыльнулась.

– Хочу. Обязательство. На пять тысяч золотом.

– ЧТО?!

– А ты думала... сейчас этот придурок мчится в свою комнату и там пишет его по всей форме. И приносит сюда. Это будет моей гарантией безопасности. Заверенная бумага у него есть?

– Нет, – соврал Матиас.

– Значит, сначала к сестре, за бумагой, а потом сюда. Жаль, времени уже немного осталось.

– У меня столько нет! – Матиас топнул ногой.

– Шесть тысяч, – равнодушно ответила я. Род Лиез, в отличие от нас, богат. – Сегодня ты сделал глупость, и за нее придется платить.

– Ты понимаешь, замарашка...

– Понимаю. До рассвета часа два? Семь тысяч.

Дошло. Долетело! Что каждый вяк и хрюк увеличивает сумму и что снисхождения не будет. А если история получит огласку... Мне тоже достанется. Но Матиас и Мариса вылетят обязательно.

И парень, развернувшись, помчался к зданию мужского общежития. Мы остались с Марисой.

Я села прямо на каменную плитку, пошевелила головой, руками, прислушалась к телу.

Телу!

Да разве ж это тело?

Это сопли в киселе! Вермишель переваренная! Глиста недобитая!

Вот у меня раньше было! И пресс, и попка орешком, и мышцы прокачаны... я все шпагаты могла выполнить, по канату влезть, а как у меня был удар поставлен! Местным и не снилось!

Я бы с этой лестницы кубарем скатилась, сгруппировавшись! Потом встала – и похоронила шутника.

А тут... синяк на синяке.

– Кажется, переломов нет. Ты бы приглядывала за братцем, а?

Мариса зашипела. У нее что – в роду гадюки были? Вообще похоже. Или ужи-вонючки? Судя по братику?

– Ты...

– Ага. Белье свое ему в карман засунула, заманила, над-

ругалась, запинала – гадина, правда? С лестницы еще сама себя спустила, лишь бы дураку нагадить. Радуйся, что я жива осталась. Ты-то умненькая, в отличие от него, вот представь! Находят с утра мой труп!

– Я бы...

– Что ты бы? Что бы ты придумала? Куда бы ты его дела? Учти, тело вообще тяжелое, таскать его неудобно, а сколько потом еще проблем будет с утилизацией! Драконам скормила? Так они сразу все не съедят, что-то да останется. И где башня, а где драконы? И охрана там есть. Вы бы таких проблем получили...

Воображение у Марисы было, а холодная погода и пред-
рассветный ветерок прилично охлаждали разгоряченную го-
лову. Это у Каэтаны платье практичное, серое, шерстяное...
теплое! И плащ такой же. Страшный, как атомная война, но
теплый, как... как она же. В таком изжаришься!

А у Марисы все легкое, изящное, элегантное – красота! И
в ней, в красоте этой, холодно.

– Ты не совсем дура, что ли? – попыталась защищаться
красотка.

Я фыркнула от всей широкой души.

– Дура. И не советую думать иначе. Находят мой дурачий
труп. Потом находят в моей комнате дурачью записку. И си-
туация перерастает... о, она так шикарно перерастает, что
вам жить не захочется. С вас бы три шкуры спустили.

Мариса поежилась.

В принципе ничего нового и интересного я ей не открыла. Она все и сама понимала, когда бежала к братцу. Но что все это понимаю я? Вот это для нее было открытием.

Щелк – память Каэ подсказала, что я не слишком-то много с них и стрясла. В переводе на наши, отечественные рубли, это тысяч двести-триста. Приличную машинку – и то не купишь, разве что бэушную и битую напрочь. Но придется хватит. И на подушку безопасности – тоже.

Вернулся Матиас, размахивая листом из чековой книжки.

Да, здесь есть и такое. Листы, заверенные печатями, подписями, с какими-то степенями защиты – не подделаешь. Я взяла в руки, пригляделась.

Что ж.

Семь тысяч золотых солеев мне пригодятся. И нет, не на шмотки.

– Спасибо, Матиас. Если решишь еще надо мной так подшутить – обращайся. Деньги мне потребуются.

Я кое-как поднялась с камня и направилась к женскому общежитию.

За спиной послышался звук подзатыльника.

А и ничего, не обеднеют. Зато запомнят, что за все в этой жизни надо платить. Хорошо, если деньгами. А то ведь могли и чем побольше взять. Здоровьем, жизнью...

Я медленно ползла в направлении общаги.

Болело все.

Синяки, голова, задница... голова – особенно. В нее по-

степенно приходила нужная информация.

Раэша Луна была уверена, что девушка обязана знать историю, географию, уметь петь, музицировать, вышивать, вести хозяйство... короче – Каэ готовили к роли верной и преданной кому-то супруги. Не самая плохая участь при хорошем муже. Но где его найти?

Вот с моим мы шесть лет прожили, и ведь прекрасно жили. Шесть – в браке, два до брака... знала б я, что он мне рога наставляет, – оторвала бы ему наставлитель. С корнем вырвала!

Все я понимаю. И что у мужчин и женщин разное отношение к измене, для мужчин это как стакан воды выпить, а для женщин намного серьезнее.

И что ему со мной было хорошо и удобно. И что...

Та, другая, ждет ребенка. Вот этого я точно простить не смогу. И не надо уже.

Я вспомнила еще раз картинку, которую увидела в сияющем окошке. Счастливая семья на лужайке, и дети, и собаки, и здоровенный кот поглядывает на всех, вальяжно рассевшись в центре стола... я всегда хотела кота или кошку, Димка был против.

Здесь я хоть кошачий приют себе завести смогу! И плевать мне, кто там будет против!

Вот и общага.

А на входе-то дежурная. Каэ, дурочка малолетняя, ты как из общаги выбралась?

Щелк.

Ой, мама... эта идиотка блаженная реально вылезла из окна на карниз, добралась до дерева и по нему спустилась вниз. С такими соплями вместо мышц!

Только вот повторять я это не стану. В таком состоянии я не в окно попаду, а в реанимацию. И я решительно толкнула дверь общаги. Дежурная аж подскочила за столом.

– К-кхак! Кордова? Ты?

– Вы и эсса, – поправила я. И не стала начинать утро с ругани. Да и отношения портить ни к чему. – Раэша Лопес, у меня серьезная проблема.

– Неужели?

Раэша явно оправилась и собиралась то ли жалобу на меня накатать, то ли в журнал записать... что тут для нарушителей?

А, вспомнила. Отработки. Нехорошая штука, кстати говоря. И родителям сообщается.

– Я не помню, как вышла из здания. Вообще не помню.

Раэша предсказуемо не поверила.

– А как одевалась – тоже не помнишь?

– Как всегда, наверное, – я пожала плечами. – Сами видите...

Раэша видела.

Все серое, скромное, немаркое, в таком виде на свидания не ходят. Это даже не смешно. И мимо нее я действительно не проходила, она бы помнила.

– Вот, у меня отмечено. Эсса Кордова, пришла в общежитие...

– Да, раэша.

– Мне отмечать, что ты пришла второй раз? – ехидно поинтересовалась раэша.

Я выдохнула.

Нет, ну что это такое? Я хоть и паршивенькая, но эсса. И мне будет каждая тетка тыкать? Дело не в том, что я аристократка в этом мире, а она вахтерша. Просто если я сейчас не попробую поставить себя, на мне потом каждая зараза ездить будет.

Или уже ездит?

Память Каэ подсказывала, что еще и погоняет. И упрекает за неудобство. Попу они, видишь ли, на чужой шее отсидели, не догадалась Каэтана подушечку подложить!

Подложу я.

С иголками...

– Раэша, я предлагаю доверить решение вопроса ректору, – нежным тоном произнесла я. – Должен же кто-то выяснить, что со мной случилось, как я вышла из здания, не выходит ли кто-то еще... ну и так, по мелочи. Где студиязусы достают запрещенную травку и вино? К примеру?

Раэша даже с лица опала как-то.

Ну да. Когда девушка изначально сволочь, и права качает, и на всех орет – это воспринимается уже адекватно. А вот когда была тихоня, глазки в пол, а потом как подняла их,

да как посмотрела... красненькими, хищненькими, да ка-ак улыбнулась, а во рту еще и зубки как у акулы. В три ряда...

Не нравится? Это потому, что вы не Босх. Ему бы понравилось.

– Я... эм-м-м...

– Зовем ректора, раэша? Или вы сейчас старательно смотрите в другую сторону? К примеру, в окно?

Конечно, надолго того шока не хватило. Раэша тут же оправилась от потрясения и перешла в атаку.

– И часто я в окно буду смотреть?

– Не чаще, чем в свой тайничок, эм-м-м-м? – невинно намекнула я.

– Ш-шантажируешь?

Еще одна гадюкопроизводная? Развелось вас... надо прожить! В этом серпентарии может ползать только одна змея! Особо! Ядовитая! Я!

– Вы что-то путаете, раэша. Я – благородная эсса. Мы не занимаемся невесть чем, – парировала я. Развернулась и направилась к лестнице.

Свою комнату я найду. То есть комнату Каэ.

* * *

Общежитие радовало. Коридор шел кольцом, комнаты расположены по семейному типу – четырехлистником. Шестнадцать дверей с одной стороны, шестнадцать с другой.

То есть восемь «четырёхшек». Каждая дверь – это комната. Одна комната рассчитана на одного человека.

Правда, душ и туалет один на четыре комнаты, но это кое-как можно перетерпеть. А так очень даже ничего. Небольшая комнатка, в ней кровать, тумбочка и шкаф. Рядом с тумбочкой – стул. Судя по всему, ее можно превратить в письменный стол.

На стене полка с учебниками.

Еще одна полочка – с книгами.

Я упала на тщательно застеленную кровать, провела рукой по лбу. В голове кружились и роились самые разные мысли.

Память Каэ занимала свое место. Было больно, но потерпеть реально. Зато...

У меня есть еще один шанс на жизнь.

Шанс на счастье...

Почему-то я сразу поверила и в Даннару, и в разделение души, и в другой мир. И раз уж я здесь, надо вспомнить все, что я о нем знаю. Для начала.

Фейервальд.

В нем четыре континента. Долер, Анмер, Лаида и Нарес. Я сейчас на Наресе. Население мира, кстати, – люди. Мир монорасовый, эльфов и фей здесь не встретится, гномов и цвергов тоже. А вот люди живут на всех четырех континентах. Создали свои государства, построили храмы.

Государства Долера – Катар, Ранмар и Вадион. Долер – материк достаточно каменистый, не слишком плодородный,

так что сельскохозяйственную продукцию им поставляют. У них из своего разве что овцы хорошо плодятся. Если так прикинуть – да, Катар, Ранмар и Вадион ближе всего к Англии, Шотландии и Ирландии.

Друг друга они терпеть не могут, поэтому вежливо пакостничают. Втихаря.

На границах там постоянный беспредел, то стадо угонят, то эса какого прикончат... дело житейское. Лесов своих нет, поля... теоретически, если над ними горбиться и корячиться, можно получить урожай. Но лучше ловить рыбку и выращивать овец. Коз, опять же, растят, коза животинка неприхотливая, а с нее и мясо, и шерсть. Козье молоко вообще штука шикарная!

Катар, будучи раза в два больше и Ранмара, и Вадиона, пытается подмять их под себя, но правители это просекли быстро. И сопротивляются что есть сил. Не объединяются в единое целое, но сотрудничают и катарцам дают отпор. Регулярно и болезненно. Статьи импорта – зерно, вино, продукты питания. Экспорта – шерсть, металл, уголь. Ну и там еще по мелочи. Тот же торф.

Торфяные болота тут такие, что половину континента занимают спокойно. И сильно мешают воевать, кстати. Не успеешь войско в чисто поле вывести, а уже по колено в болоте оказался. И утонул.

Лаида.

Мирный и спокойный сельскохозяйственный континент.

Кстати – как раз место, где очень уважают Даннару. Уважают, поклоняются, строят храмы. У них там палку в землю воткни – зазеленеет.

Государства – Сурат, Велот и Эстормах.

Забавно, что во главе Сурата и Велота стоят мужчины, а в Эстормахе уже несколько десятков поколений наследование идет по женской линии. И на троне всегда царица. Матриархат там.

За это эстормахцев считают дикарями. Но им на это глубоко начхать. Два раза.

Живут они хорошо, планируют жить еще лучше, ни с кем не воюют; более того, если Сурат идет войной на Эстормах, царица быстро жалуется велотцам. И наоборот тоже. А потом спокойно живет до следующей вспышки тестостерона в соседних государствах.

Мужей, кстати, царице Эстормаха традиционно подыскивают с других континентов. Так, на всякий случай. Больше всего они с Долером и торгуют, кстати. Но и на другие государства их хватает.

Так... если что – я знаю, куда мне надо эмигрировать.

Анмер.

Государства – Санторин, Ларана, Маройт и Алоэт. И вот тут начинается беда-беда...

Анмер и Нарес отделены друг от друга проливом. Хорошим, не Ла-Маншу чета, приличным таким проливом. Не тридцать километров в ширину, конечно, но это и не пролив

Дрейка. Увы.

Нечто среднее.

Около двухсот километров ширины, около трех километров глубины. Шторма случаются, но когда это кого останавливало? Уж точно не санторинцев.

Да-да, самое мощное государство там – Санторин. А к нему придатками остальные три.

Примерно как Османская империя. Турция – основное государство. Сателлиты – Сербия, Венгрия, кстати, тот же Ирак во времена оны. Да там много кого было в Османской империи. Подминали они под себя все, до чего могли дотянуться. И кстати, искренне удивлялись, получив ответку.

А за что?

А вот за все хорошее! Люди имеют право жить, как ИМ нравится. А не как вам захочется.

На своем континенте Санторин подмял под себя все, до чего дотянулся. И религия там, кстати, агрессивная. Там правит бал бог войны. Сантор. Да-да, в честь него и государство назвали. И по преданиям там есть Камень Сантора, в который лично бог вонзил свое копьё. А тот, кто вытащит копьё Сантора, станет властелином мира.

Пока таких не нашлось.

Ничего, они и без копьё изрядно отравляют жизнь Наресу, на котором я сейчас нахожусь.

На территории Нареса есть четыре государства – Лоан, Равен, Вердана и Алира. Сам континент по форме напоминает

ящерицу. Вот, Лоан – это хвост. Алира – голова. Большая часть – Равен, в котором я и нахожусь. Остаток – Вердана. Подбрюшье, можно сказать. Или подхвостье.

На Наресе много леса, есть горы, есть луга и поля. Земледелие у нас тут не слишком прижилось, а вот сады шикарные.

Лес в основном находится на территории Равена, кстати говоря. И горный хребет – тоже.

И вот что касается хребта... тут и начинается самое интересное. Нарес – единственный континент, на котором живут драконы.

Дра-ко-ны!

Настоящие.

Вполне себе крупные, плотоядные, рыбаодные и всякое прочее. Популяция у них не слишком велика, обычно драконов не больше тысячи – полутора. И тому есть серьезные причины.

Драконы – крупные.

Средняя длина дракоши от кончика носа до кончика хвоста – около пятидесяти метров. И эти пятьдесят метров надо прокормить. А они плотоядные. И кушать хотят регулярно. Есть и помельче дракоши, но есть ведь и покрупнее?

В природе у них в качестве пищи заложено все. Птица, звери, рыба... если что – они и человека могут скушать, просто брезгуют. Чем-то им люди в диету не подходят. То ли холестерином, то ли билирубином. Так что преступников в

диету не предлагайте, пожалуйста. Даже чисто вымытых и диетологически правильных.

Чтобы прокормить драконов, в Равене заложены рыбные пруды. Пасутся стада. А крестьяне отлично знают, что любые налоги можно заплатить натурой. То есть сельхозпродукцией.

Драконы слопают.

Что получают драконы – понятно. Их одомашнили, о них заботятся, кормят, чешут и гладят.

Что получают люди?

Элитный боевой полк. Да, именно так.

Дракониды – академия драконариев. Драконьих всадников.

И кормят их всем Наресом. Потому как Анмер не дремлет и попытки захвата предпринимает регулярно. А Наресу такое и рядом не нужно, и близко не легло. Им... нам и так неплохо.

Живем более-менее мирно, спокойно, чего еще надо? Ну, с Санторином понятно. У них леса практически нет, считай – степи. И пустыня. И плодородной земли мало. А еще – характер такой. Вот есть народы, которые в принципе любят воевать. А есть те, которые не любят.

И словно мало Нареса...

Океан.

Мировой океан, который омывает все четыре континента. Это в моем родном мире он более-менее тихий и спокой-

ный. А в этом мире – не дождетесь.

В этом мире в океане есть бич, от которого плачут все четыре континента. И кстати, сотрудничают с Наресом. И драконов кормят всем коллективом. Даже санторинцы скидываются на общее благо. Да-да, в этом мире государствам удалось договориться. Очень помог общий враг.

На Фейервальде из океана регулярно лезут химеры. Или морские чудовища, просто здесь вот так их прозвали. Так повелось, химера и химера. Потому что ни на одно из нормальных существ они не похожи. Тело от жабы, голова от рыбы, хвост от змеи, лапы и вовсе от ящерицы... вариантов масса, и со щупальцами есть, и с тентаклями, и с чем только нет. А главное – все зубастые и голодные.

Откуда они там берутся, как размножаются и где растут? А вот тут – простите. Надо быть Кювье, чтобы это исследовать. Или хотя бы обзавестись батискафом.

Потому что химера исследователей любит. Гастрономически.

Есть ответ только на один вопрос – что ей надо от людей? А надо ей кушать.

Они плотоядные и на сушу лезут с упорством, достойным лучшего применения. Нападают на людей, на деревни, на города. И тут в дело вступают драконы.

Вылетают, наводят порядок... то есть по-простому – рвут и жрут монстров. Часть приносят на сушу. Часть не приносят – не долетают. Понятно, химеры этим тоже недоволь-

ны и драконов стараются тоже сожрать. Поэтому популяция небольшая.

Кто-то погибает.

Кто-то выживает.

Это, кстати, еще одна статья экспорта Нареса.

Драконы.

Небольшие базы драконов есть на всех четырех континентах. Основная – на Наресе, здесь же и драконарий, и академия, ученицей которой и является Каэтана. И по одной базе на каждом из соседних континентов. Драконы и их всадники живут там, патрулируют и континенты, и море вокруг, охотятся на химер. Средний срок службы – пять лет, потом отряды меняются.

Почему драконы ориентированы в основном на Нарес? И всегда возвращаются сюда? Только тут в горах есть термальные источники. А без них драконы не могут плодиться.

Жить – могут. Даже страсти предаваться могут, но если они отложат яйцо где-то в другом месте, оно просто не созреет. Только драконий хребет, только определенные пещеры, только термальные источники с каким-то важным составом воды. Соли там растворенные, минералы... Отец Каэ, кстати, занимался этим вопросом. Поэтому девочка и смогла поступить в академию. Точнее, поэтому ее сюда и взяли.

Поэтому она и знает что-то о драконах.

А так в эту академию очень серьезный отбор. Только благородные, край – бастарды. И не просто так они сюда посту-

пают. Закончившие учебу становятся драконьими всадниками. На первом же курсе благородный эс получает дракона, а в следующие годы растит его, учится вылетать вместе с ним и... да. Увы-увы, подыскивает себе супругу.

Таков закон.

Эс, не имеющий супруги и наследников, не имеет права участвовать в боевых вылетах.

С чем это связано, Каэ не знала. Я пока тоже не догадывалась.

Так что академия была таким полигоном... наследники тренировались, сколачивали себе команды, проявляли лидерские качества, искали жен... вот затем в академию и поступали эссы.

Минутку...

Ну ладно, местные дамы над этим не задумывались. А я-то чего?

На вылет идут только мужики-драконы? А бабы?

Что я вообще знаю по анатомии и физиологии драконов?

Да практически ничего. Каэ это не слишком интересовало, она вообще боялась драконов. И читать предпочитала романы. Такие, где он встал на одно колено и поднес ее руку к своим губам. Два раза. А потом они упали в розы. Или в лепестки роз, кто их там разберет, романтиков...

Мы один раз попробовали с мужем, кстати. Потом эти клятые лепестки отовсюду отлепляли и выковыривали. Липнут они как заразы, а пахнут не особенно.

Ладно, не будем думать о гадостях. Будем думать о хорошем. В моем положении есть что-то хорошее?

Сложно сказать.

Мне тут учиться три года. На первом году учебы происходит... привязка?

Уй-й-й-й-й!

В голову хлынул новый поток информации.

Ну да. Привязка, запечатление, импринтинг – называйте, как вам больше нравится. Мне больше подходило последнее слово, «импринтинг» как-то привычнее всех этих терминов.

Итак, первый курс.

Теория и теория.

Но кроме этого мальчишек ведут к драконам. И там годовалые дракончики (раньше матери просто никого не подпускают) выбирают себе хозяев. И происходит импринтинг.

Случается это на Новый год, он тут тоже зимой, и мероприятие красиво называется Выбором Дракона. Что-то там между ними такое происходит важное. После этого человек и дракон взаимодействуют как слаженная боевая единица. Дракон слушается человека, человек прислушивается к дракону.

Нет, драконы не говорят. По-человечески точно не говорят. И в людей не превращаются. Но человеческую речь явно понимают. А человек может разговаривать с драконом. Вроде как с одним, конкретным. Своим. Они настраиваются на одну волну.

Драконы.

А драконессы?

Не об этом ли говорила Даннара, имея в виду нарушенное равновесие?

Не знаю. Надо разбираться. Сидеть в библиотеке, читать, думать... вот как хотите – очертя голову я во все это не полезу. Надо собирать данные.

Обобщать, систематизировать... да про тех же драконов узнать побольше!

Каэ, дуреха несчастная, биологию не изучала. Хотя тут и не ее вина, а папаши. Типичный эс.

Женщина создана для того, чтобы вести дом и рожать детей.

Мужчина создан для боевых вылетов.

Сам он, кстати, тоже отучился в академии, но им драконы даже закусить побрезговали. Вот и пришлось папеньке изучать теорию вместо практики.

М-да. Надеюсь, в мою жизнь он не полезет. Я ведь не Каэтана, я так приложить могу, что барельеф от стенки не отклеят.

Ну а девушки... эссы в академии три года гадючат. Другими словами я этот процесс не назову.

Они ищут мужа. Приглядываются, выбирают, охотятся, ну и параллельно делают вид, что чему-то учатся. Гадючник получается высокопробный. Высокосортный, я бы сказала.

Спорим, что об меня попробуют поточить когти? Уже на-

чали...

Академия, кстати, пользуется большой популярностью, но принимают сюда только тех, кто рожден на Наресе. Жестко. Другим континентам и выходцам с них драконов не доверяют. Причем всю родню студента проверяют до пятого поколения. Вдруг они переселенцы? Тогда нельзя.

Нравится ли соседям такое положение?

Нет.

Это как у одной страны есть ядер батон, а у остальных ядер фигвам. И обидно, и хочется, и вообще... а чего это ИМ? Нельзя ли нам? И вообще, делиться надобно!

Наверное, если бы не сами драконы, на Нарес бы наезжали намного активнее. Но драконы не принимают участия в человеческих войнах. Решительно. И известен случай, когда одного дракона попытались натравить на другого. Эсы поругались и решили устроить дуэль на драконах.

Драконы поступили как истинно разумные существа. Они сожрали наездников.

За столько лет правители поняли, что в человеческие разборки рептилии не полезут. Ни под каким предлогом.

На химер – с удовольствием. Хоть по три раза на дню.

А в качестве боевой единицы человеческого войска – увольте. Даже когда в океане два корабля дерутся, драконы демонстративно облетают их по дуге. Они в это НЕ ЛЕЗУТ!

Не нравится? А это уже ваши трудности.

Так что соседние континенты кое-как смирились с таким

положением дел. Кроме Санторина. Вот не нравится им, что кто-то без них обходится. Не нравится.

И у них есть вариант. Или завоевать весь Нарес, или завоевать Равен, или...

Правда, тут есть одно крохотное препятствие. Когда Санторин попробовал повоевать с Равеном в прошлый раз, Равен просто отозвал базу драконов с его земель. И когда полезли химеры, Санторин оказался в сложном положении. А воевать-то с кем первым? То ли с Равеном, то ли с монстриками из океана...

Выбрали химер. И заключили перемирие с Равеном. Там их хоть не жрали.

Но это не отменяет военных хитростей. Ладно, ладно, я не знаю, каких именно, но тут стоит только родную Землю вспомнить.

Чисто теоретически? Гитлер напал на СССР в 1941 году. СССР победила Германию в 1945 году.

А фиг ли та Германия вообще сохранилась? Была бы у СССР новая область, к примеру, Рейнская? Или Швабская? Почему товарищ Сталин не давил паразитов до состояния кровавого пятна?

А вот это и называется высокая политика...

Полагаю, и тут есть свои подводные течения, камни, водовороты... это я их не знаю! Но их наличие сомнений не вызывает.

И в связи с этим...

Даннара! У тебя совесть есть? Или как? Простите, пожалуйста, если я сейчас оскорбляю чувства верующих! Но все равно! Ну хоть намекнула бы!

Я понимаю, что речь идет о серьезном выигрыше. Понимаю, что на халяву могут отвесить только пинков и подзатыльников.

Понимаю.

А мне от этого легче? Здесь и сейчас?

У меня задание из разряда русских народных сказок. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Тащи давай, не разлеживайся!

А вот что и кому... Как было сформулировано задание? Восстановить равновесие? Ну так у меня ассоциация одна – с упражнениями на бревне. Будем спортзал искать?

А еще...

Я не Каэтана.

Вот ни разу, ни рядом, ни близко, ни около. Это она была милой и доброй девочкой. Краснела, шептала и стеснялась. А я? Стеснительный фитнес-тренер?

И как это должно выглядеть? Подхожу я к качку размером в два раза больше меня, дотрагиваюсь пальчиком до плеча и шепчу: «Простите пожалуйста, то есть извините великодушно, не соблаговолите ли вы сделать еще три подхода к снаряду?» И краснею, краснею, краснею...

Верится?

Правильно, мне тоже в это не верится. Потому как чушь

и глупость.

С другой стороны, наоборот было бы хуже. А тут...

Баба-яга в тылу врага! Это ж моя любимая роль! Что мне стоит притворяться полной дурочкой? Учитывая, что пару лет я таковой дома и была? Мужу-то верила, а рога росли, росли... И даже не чесались! Так что – была. Не стоит себя оправдывать.

Что делала Каэтана?

Да ничего! Сидела на занятиях и хлопала глазами. Нещадно краснела и заикалась, когда к ней обращались. А после занятий удирала в единственное место, где ее не трогали. В библиотеку.

Да-да, здесь и такая есть. Только она не слишком востребована.

Почему?

Так все ж логично! Кого готовит академия?

Драконариев. Всадников на драконах. И что им нужно? История? Не обязательно. Им хватит конкретного «Готовься, цельсь, пли!». География? Дракон долетит.

Вот биология, но только биология драконов, нужна. Тактика, стратегия, военное дело, физическая подготовка – этому уделяется много времени.

Магия?

А вот тут я всех разочарую раз и навсегда. Магии на Фейервальде нет. Зверушка «человек колдующий» здесь встречается только в романах. Исключительно.

Четырнадцать тридцать – еще одно занятие.

Потом два часа дается на выполнение заданий и уроков, в восемнадцать тридцать ужин, а с девятнадцати тридцати свободное время. Как свободное?

Отбой в десять вечера. Остается два с половиной часа.

Ты можешь их просидеть в библиотеке – только к отбою не опаздывай.

Можешь просидеть у себя в комнате.

Можешь отправиться на полигон потренироваться, сделать еще какие-то задания, посидеть в одной из общих гостиных... это если ты свободен и располагаешь собой по своему усмотрению.

Но так бывает не всегда. Есть такое слово «залет». Вот, если ты попадаешься с нарушением режима, к примеру, как я сегодня могла влететь, то свободное время у тебя отменяется. И получаешь ты вместо этого общественные работы.

Опоздал к отбою? Час общественных работ. Правда, по комнатам не ходят, и если ты опоздала вечером, можешь прогулять до утра. Лишь бы не попасться.

На занятие? Тот же час, если преподаватель не смилуется.

Поймали с какой-то запрещенкой? Уже от десяти часов и больше. Это сильно зависит от того, с чем ты влетел. За алкоголь – десятка. А вот за разные наркотические средства (И тут такое есть? Сволочи, мусульманской религии на вас нет!!!) можно и на двадцать часов влететь, и на тридцать...

Работы четко регламентированы. Никаких «похорон

окурка» или чего-то бессмысленного. Девушки помогают на кухне или моют полы, парни в драконятнике, навоз могут выгребать, корм разносить. Могут что-то чинить, шить, да много чего можно придумать. Рабочие руки в школе требуются всегда, и свято место пусто не бывает. Вот тут и начинается подвох.

Крупный такой... Задания домашние делать – надо.

Вариантов два. Или ты не высыпаешься и ходишь потом как зомби. Или влетаешь еще на отработки, за несделанные домашние задания. Получаешь штрафные часы, начинаешь снижать успеваемость. И по результатам...

Казалось бы – кому те результаты нужны?

А вот нужны.

От этого очень сильно зависит, куда тебя распределят после академии. Да и в академии к тебе приглядываются, здесь заключаются союзы, здесь нарабатываются связи, здесь выбирают перспективных – и отсеивают раздолбаев...

Не нравится?

А вот так...

Ходят слухи, что импринтинг – явление не окончательное и дракона можно переориентировать на другого человека. А ты, друг любезный, полетишь летягой из академии.

Девушкам и того хуже. Если ты вылетела из академии, считай, замуж удачно не выйдешь. Это как клеймо на всю жизнь. Так и будешь прозябать за каким-нибудь неудачником. Может, даже за купцом, и плевать, что ты – эсса. Если

ты ни на что не способна, кому ты такая нужна?

Только это и удерживало Каэтану от слезного письма отцу. Хотя девчонка уже готова была кинуться ему в ноги и слезно умолять забрать ее из этого гнусного места.

Ладно еще режим дня! Учеба! Она привыкла к распорядку, она привыкла к дрессировке! Но не к такому количеству народа! Не к всеобщей травле. Ей-то надо было тишины и спокойствия, а ее травили чуть не всем курсом. А там и старшие бы скоро подключились, это мне повезло, что учебный год едва начался... Год?

Ну да.

Он здесь длится те же двенадцать месяцев, только в каждом месяце ровно тридцать шесть дней. Без чередования, без високосных годов и прочего. Из них на каникулы отводится ровно два месяца. Правда, тоже летних.

Можно будет съездить домой. Или не нужно?

Я потом решу.

Каэтана и я... Ладно – здесь! Никто пока к ней не приглядывался, все видят только серые платья и опущенные глаза. А дома?

Начнут меня строить и дрессировать, та же раэша Летиция и начнет, не удержится. И как пошлю я ее, и как пойдет она... напрямиком в реанимацию! Я ж стесняться не буду, я не словами, я могу и чем поухватистее...

Ладно.

Это я больше шучу, чтобы как-то в себя прийти. Будем

считать – истерика.

Я сползла с кровати и подошла к шкафу. Память Каэ подсказывала, что надо бы сходить искупаться. Первой. И вода будет теплее, и пока никто не проснулся...

Сходить?

Почему нет? Все лучше, чем лежать бревнышком и думать, думать... все равно ничего умного я сейчас не придумаю, только нервы себе перемотаю вчистую. Итак, туалет и душ!

* * *

Унитаз ничем принципиально не отличался от земных. Разве что был металлическим. Надо полагать, до фаянса здесь пока не додумались. И рядом лежала не нарезанная бумага, а нечто вроде листьев лопуха. Тоже логично.

И экологично, кстати говоря.

Душ? Тоже все ясно и понятно. Две рукоятки, поднимаешь одну – льется горячая вода, вторую – холодная. Смешивай в нужной пропорции и мойся.

Что я быстро и сделала.

Память Каэ подсказывала, что если не успеть, сюда придут еще три девушки. И тогда насмешек не избежать.

Девчонку так замучили, что она даже мылась в рубашке. Я-то под душем стояла в чем мать родила. Волосы промыла. Подумала, что еще своего отражения в зеркале ни разу не

видела. И тут же вспомнила, что зеркало тут есть. Именно в душевой.

Большое, чуть не от пола до потолка, металлическое, полированное.

Не стекло, но себя разглядеть можно. Я вытерлась и подошла к пластине.

М-да.

Первое впечатление было верным. Глиста в корсете. Тощая, облезлая... не девушка, а аскарида. Каэ никто не говорил, что на теле должны быть выпуклости, а не дряблости?

Видимо, эта информация прошла мимо.

Если сверху вниз?

Ладно. Волосы средненькие. До лопаток, невнятного каштанового цвета, вроде как волнистые. Не слишком густые, но и лысины тут не будет. Уже неплохо. Что там у нас из натуральных средств? Репейное масло? Лимон? Будем применять все.

Личико?

Средней выразительности. Форма сердечком, нос короткий, прямой, глаза средние, серые, причем оттенок красивый. Такой темно-серый, графитовый. Брови и ресницы свои, черные. Но брови хорошо бы выщипать, а ресницы тронуть тушью.

Губы тонкие, бледные и невыразительные. Подбородок на месте и даже украшен ямочкой, но на общем бледном фоне не выделяется.

В принципе нормальное личико, но краска нужна. Иначе никто внимания не обратит. Ладно, хотя бы минимальная поддержка и подкраска. Да и прическа... Каэ волосы зачесывала назад и стягивала в пучок-гульку, как и ее наставница. А можно ведь и локоны, и челочку, и лицо подчеркнуть...

Этому девчонку не учили.

Дальше – шея. Длинная и тощая. Плечи бледные, но хоть без веснушек. Руки – заплакать и повеситься. Мышцы на них просто отсутствуют. Две вареные сопля, а не руки.

Грудь?

Хм... у иных девочек в двенадцать лет – и то побольше бывает. А тут – доска, два соска. Выжечь прыщи зеленкой и жить дальше.

С другой стороны... зато ничего не трясется и не мешается. У меня была троечка, и как же я с ней мучилась! С утяжками, поддержками и всяким прочим! Здесь – хоть ты что делай, трястись просто нечему. А делать я буду.

Дальше приятное открытие. Талии девушки могут позавидовать все осы, пчелы и даже шершни. Талия тонюсенькая.

Интересно, это заслуга корсета – или?..

Память подсказывала, что не корсета. Это радовало. Кому нравится – пусть носит, а мне искривление позвоночника, паршивые легкие и угробленный кишечник даром не нужны. Да и остальным органам там доставалось по полной программе.

Так что это без меня.

Дальше – снова слезы жалкие.

Обвисшая попа. Тощие и кривые ноги. Ступни маленькие, но толку-то? С такой кривизной?

Ладно, баран между ног не пройдет, утрировать не буду. Но именно за счет того, что ноги тощие, они и кривые. Надо или отъедаться, или наращивать мышцы на тренировках. Давать грамотные упражнения, следить за собой, правильно питаться, рассчитать соотношение БЖУ...

Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!

И как я это все тут сделаю?

Я печально натянула платье и удрала к себе, пока никто не проснулся. Надо еще сделать из себя образцовую страхолюдину. И... булавку, что ли, в платье засунуть? Чтобы она меня колола и не давала забываться? Надо обдумать этот вопрос.

* * *

Платья...

Это не вопрос. Это песок. В прошлой жизни я бы таким полы мыть не стала – плитка в разные стороны расползется. В ужасе. Это жуть жуткая...

Начнем с ткани. Она натуральная, да. А вы такое носили? Вот она – чистая шерсть. Колючая, как будто ее не с овцы, а с ежа состригли.

Вот лен. Через пять минут в носке будет как жеваная тряпка.

Вот сукно. Тяжелое, как доспехи.

Цвета? Просто вау! Или – вах? Это не расцветки, это... в таком нищие на паперти стоять постесняются! Все серое, черное... о! Единственное исключение! Платье грязно-коричневого цвета.

Фасоны примерно одни и те же.

Воротник под горло, пуговицы, длинные рукава, длинный подол.

В таком себе жениха искать – это смертельно оскорбить весь мужской род. Какие там драконы? Каэтана выглядела так, что на нее бы и дракон не позарился. Сплюнул бы.

В зеркало даже глядеть не хотелось.

А самое ужасное то, что такой я пробуду следующие три года. И на то есть веские причины.

Мне придется выглядеть, как чучело, придется одеваться как Каэтана, разговаривать как она, делать все как она... учиться, краснеть, страдать и рыдать. Не потому, что мне это нравится. Нет.

Потому что мне нужно, во-первых, отработать свой долг перед Даннарой.

Во-вторых, придумать, где и как устроиться в этом мире.

Стартовый капитал у меня уже есть. Маленький, но свой. Надо будет на выходных... – то есть на выходной, это ровно один день из десяти, – сходить в банк и перевести деньги на

свой счет. Или как-то реализовать их... да хоть бы и побрякушек каких купить. Только брать золото.

Чтобы потом легко его перепродать было. Как же это все сложно!

На что я там раньше жаловалась? На вредных клиенток?

Верните меня назад, я больше не буду... Нет? Я тоже думаю, что не поможет.

Но что точно надо купить – это пару нижних рубашек. У Каэтаны они есть – тоже колючие и грубые. Я в таком кошмаре ходить не согласна. Пусть платья будут страшнее атомной войны! Но белье у меня будет дорогим и красивым!

Интересно, а можно что-то с волосами сделать? Или лучше не рисковать? Мне и так предстоит терпеть и терпеть... лишь бы не попалиться! А ведь могу. Характер такой... да и сдерживаться я не привыкла.

Из зеркала на меня печально смотрела унылая моль. Нет, из этого бабочку не сделаешь. И тренировки не помогут. Потому что в памяти Каэтаны прошито, как она идет на спортивную площадку – в платье! Да, именно что в платье... а как в нем заниматься? В таком?

Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Кажется, эта фраза станет у меня самой любимой!

Интерлюдия

– Ты уверен, Санджар?

Мужчина привычно простерся ниц перед вышестоящим.

– О Великий...

– Короче!

– Недостойный наблюдал, недостойный советовался с мудрецами. Недостойный пробовал то же самое с ящерицами...

Второй мужчина, о котором можно было сказать только одно слово – «власть», смотрел на низшего чуть ли не с отвращением.

Ученые...

Это... да, это тоже люди. Но считать их равными себе? Ему такое и в голову не приходило. Сын тора, воин, красавец... да, и будущий правитель Санторина, что немаловажно. И – это?

Вот это, которое тут протирает пузом пол? Мужчина?

Мужеского пола, это вернее.

– Драконы – не ящерицы.

– Величайший...

Его высочество Баязет поморщился.

– Не называй меня так¹.

¹ «Величайший» – обращение к тору. «Великий» – к наследникам. И то – для подхалимов. (Здесь и далее – прим. авт.)

– Великий, – поправился Санджар, чуть ли не извиваясь от верноподданнических чувств, – мы делали все возможное. Если бы у нас была живая особь... живое...

– Живого дракона я вам не достану.

– Великий, мы...

– Санджар, ты понимаешь, что мне придется сделать... многое. Ты обещаешь, но чем ты ответишь за свои слова?

Санджар поднял голову. Темные глаза полыхнули огнем неизбывного фанатизма.

– Моя жизнь в вашей власти, Великий.

– Возможно, она и станет ценой провала.

Санджар снова ткнулся лицом в пол.

– Великий...

Как он увидел жест, останавливающий его словоизлияние? Ну... у опытных царедворцев глаза видят, как у вальдшнепа или стрекозы².

Баязет подошел к окну, посмотрел вдаль.

Санторин!

Как прекрасна и изобильна его страна! Как богата и роскошна!

Сады и дворцы, фонтаны и молитвенные башни, леса и озера, поля и водопады. Изобильные урожаи и тучные стада, гнущиеся от плодов ветви и гроздья винограда, масло и вино... пусть и не везде. Но главное достояние Санторина – не зерно и не скот.

² На 360 градусов.

Главное достояние Санторина – люди. Люди, которым сам Сантор повелел владеть миром.

Бесстрашные и решительные, умные и воинственные.

Люди, которые достойны власти.

Сложись все чуточку иначе, санторинцы давно бы владели миром. Но на их пути стоит одно препятствие.

Драконы!

Проклятые чешуйчатые ящерицы, которым все нипочем. Их не достанешь, их не собьешь, они пресекают любую попытку изменить сложившееся положение. Они защищают мир?

Это еще вопрос, от чего они его защищают.

Морские чудовища?

Лицо принца омрачилось.

Ладно... он видел их сам. И сражался. И... потерял нескольких людей. И если бы не драконы, потери были бы куда больше. Но...

Но!

Можно построить прибрежные крепости! Можно построить катапульты, корабли, можно... да пусть бы были и драконы! Но почему они мешают людям?!

Всем ясно, что править миром должны достойнейшие! Санторинцы.

Да, если не будет драконов, будет намного больше жертв среди людей. Это понятно. Но Сантор дарует победу достойнейшему, а мужчина живет только в сражении. И в нем же

и умирает.

Иногда быстро, иногда медленно.

Баязет повернулся к ученому, который так и не отклеил пузо от пола.

– Я рискну, Санджар. Но помни, ты отвечаешь головой за результат.

– Моя жизнь в твоей власти, Великий.

Баязет в этом и не сомневался.

Глава 2

Начинайте день с зарядки.

Вообще в фитнес-центрах четко делят народ на две группы. Те, кто пришел работать, – и те, кто пришел искать себе приключений на тыльное место.

Кстати, иногда это одни и те же люди, только в разное время.

К примеру, фитоняшка Мила, которая ходила к нам в центр. Утром приходит – волосы в хвостик, купальник такой скромненький, лосины дешевенькие – и давай потеть на тренажерах. Да так, что потом хоть полы вытирай – пот ручьями льет. Спокойная, серьезная – человек над собой работает!

Вечером встретишь – не узнаешь! Макияж, маникюр, костюмчик из супермодных, спортивная обувь, которая стоит подороже директорской БМВ – девушка вышла на охоту.

А вот так!

Папа у нее богатый, с деньгами проблем нет, а приключений хочется. Она качков и ловила себе в клубе. А в остальном нормальная девушка. В рамках состояния и воспитания.

А в основном кто-то ходит работать над собой, а кто-то искать себе развлечения. Вот первых я люблю и уважаю, а вторые мне никогда не нравились. Работать я и с ними буду, я профессионал, но сил и энергии на таких тратится больше, а отдача меньше. Несправедливо.

Звук колокола заставил меня подпрыгнуть.

– Ой, ля...

Вот что я ненавижу – это мега-будильники. Есть повод. У родителей в детстве был советский будильник. Знаете, такой здоровущий и отвратительно трещащий. Вот с тех пор я такие побудки и не выношу.

Я люблю будильники негромкие, спокойные, уютные. Здесь этого не дождешься... или я найду себе приличный будильник, или буду подлетать с кровати на полметра. Мне так не нравится. Просыпаешься – трясешься, руки дрожат, сердце бьется что есть сил...

Белье, будильник... что еще окажется в списке до выходного? За эти шесть дней?

Все остальные, кажется, воспринимали будильник вполне нормально. Зашевелились, за дверью, которая ведет в ванную, слышался шум.

Какой-то он подозрительно... шумный? И возле моей двери?

Подкралась на цыпочках, прислушалась.

– ...Роев дверь...

– И тут ее...

И мерзкое хихиканье.

Угу, ну, такое мы тоже просекаем. Наверное, это рассчитано на Каэ, которая или приходила раньше всех, или позже всех... и что вы решили установить перед дверью несчастной девчонки?

Ладно же.

Я потом разберусь и обезврежу ловушку. А вы...

А вот тут беда. Ничего я им сделать не смогу. Просто потому, что не могла бы Каэ. А я, не зная всех тонкостей, пока не рискну сильно выделяться. Мало ли кто пишет и докладывает. Мало ли – куда и кому.

Поэтому даже ловушка...

Хм-м-м?

Я коварно улыбнулась и отправилась на завтрак.

* * *

Столовая.

Отдельный корпус. Большое здание, в котором помещаются кухня, собственно столовая и банкетный зал. Иногда в академии устраиваются торжества, вот чтобы далеко тарелки не носить...

И все?

Память услужливо подкинула картину большого зала.

Раздаточная – эти места одинаковы во всех мирах.

Стол... столы тут разные. Это радует.

Есть одиночные, есть на четыре человека, на шесть, на двадцать – выбирай не хочу. Кто-то сомневается, что именно выбрала Каэ? Правильно. Самый дальний и крохотный столик, рядом с мойкой посуды... там ее не дергали. Девчушка быстро давилась убогой пищей и тут же убегала. Еще бы...

Скотина ее папаша. Девочка постоянно жила в изоляции, а тут – тарарах! И она не остается одна даже в душевой. В комнате – другое дело, в комнату даже местные гиены не лезут. Не сильно нарываються. Пока. Но даже уборная – и та может стать полем боя... расслабиться не удастся, нервы вибрируют – удивительно, что она раньше с башни не кинулась!

Могла бы.

При таком режиме жизни – запросто! Еще и этот подонок Лиез... фу-у-у! Выдыхай, Зочка, потом вдыхай и снова выдыхай. Зря ты, что ли, дыхательную гимнастику и йогу осваивала? Именно на такой случай. Чтобы никого не убить...

Вахтерша проводила меня злым взглядом. Я поставила себе галочку: помириться. Но это потом. И направилась на поле для зарядки.

И кто сомневался, что здесь все будет именно так, как вечером в нашем центре? Я вот не сомневалась.

Стояла, ждала, наблюдала.

Поле для девушек, поле для парней, у нас инструктором женщина, у парней мужчина. Впрочем, женщина выглядит так, словно последние лет двадцать проработала шпалокладчицей. Такая кубическая фигура...

– А, Кордова? Отлично. Приступай к разминке, если пришла.

– Да, раэша, – пробормотала я.

Разминке... я бы тебе показала мастер-класс! Но придется... с чего там начиналось?

Пришлось неловко вращать в разные стороны головой, потом я попробовала потянуть руки, наклониться...

Раэша Пизано смотрела на меня с плохо скрытым отвращением. Я боролась с желанием как следует размять это тело!

А еще показать кое-что из своих наработок.

Я бы тебе колесом прошлась – в родном теле! А «солнышко» не хочешь? Да я на руках могла ходить без особых проблем, от одной стены до другой! И равновесие удерживала без особых трудностей!

А тут!

Это не тело, это издевательство! Не-не, я не против, пусть остается! Это лучше, чем вообще ничего или, как сейчас модно, другой пол. Баба попадает в мужика, мужик в бабу... брр! Снос крыши и размыв фундамента при таком гарантирован! Мне бы точно пришлось в дурдом ехать.

Постепенно подтягивались остальные девушки. Я отмечала тех, кого знала.

Мариса Лиез – эта в другой группе, потому как третий курс. При свете дня она выглядит еще более шикарно, чем ночью. Красотка как есть. Точеные черты лица, бархатная кожа, громадные карие глаза, фигурка такая, что модные журналы за нее передрались бы. И в довершение всего – грива натуральных блондинистых кудрей. Матиас, кстати, если отвлечься от подлючести его натуры, тоже симпатичный. Высокий блондин с карими оленьими глазами. Мордашка

красивая, фигура спортивная – мечта всех первокурсниц. Недостаток один – сволочь. Но это, право же, такие мелочи...

Олинда Оливéра – миниатюрная брюнетка с выдающимися формами. Такими выдающимся, что и спереди, и сзади можно тарелку поставить – суп не прольется.

Фатима Ломбардо – ее противоположность. Высокая и худая блондинистая жердь. Тем не менее именно потому девушки и сдружились. Гадючность у них была общая. Именно их я и слышала сегодня в душевой, с-соседушки!

Севилла Коцци – третья соседка. Тоже брюнетка, но усредненная, без особых внешних признаков. Разве что родинка на шее. А так – обыкновенная. И выражение лица можно, наверное, отнести в приметы. Ощущение, что у нее под носом кашка присохла, и она брезгливо принюхивается.

Нарсия Карсез – рыженькая дрянь с жидкими волосенками и веснушками.

Элина Бочене – равнодушная богачка, которая точно знает, что для нее парень всегда найдется. Лучшее украшение девушки ведь что? Правильно, хорошее приданое.

Кайа Ибанес – тоже однокурсница. Холеная и надменная, одни серьги у нее в ушах стоят столько, что можно половину курса купить. Красные бриллианты...

Алефи Мартино, Флоренсия Леви, Ярина Лонго, Майя Коста, Майя Перáльта...

Имена всплывали в памяти, каждый раз отдаваясь страхом. Да что, Каэ тут только ленивый не травил, что ли?

Память послушно подсказывала, что да.

На этом курсе двенадцать эсс и шестнадцать эсов. Казалось бы – чего ты выделяешься? Всем хватит, и еще тебе останется. Но не все так просто.

Память Каэ подсказывала, что эсы стараются не обращать внимания на ровесниц, приглядывают себе супругу помладше. Да и извечный бабский инстинкт, гласящий (голосящий? вопиющий?) страшное: а вдруг мне и не хватит? И что – все при мужике, а я одна как дура?

Вот и травили несчастную Каэтану. А что? На ее фоне и умной показаться легко, и красивой. Дождалась, сказала о девчонке гадость, та покраснела, разревелась, убежала... а ты-то на ее фоне такая вся элегантная, плечиками пожимаешь и сережки в ушках поправляешь...

Я скрипнула зубами, выполняя очередной элемент и слыша приятный хруст суставов. Каэ, коза драная! Ты бы хоть студень какой лопала! Желе! Да что там! Обычный бульон из куриных лапок чудеса творит! И с суставами, и с кожей – если его правильно приготовить, там коллагена столько, что на сорок банок импортного крема хватит и еще на десять останется!

И никакого хруста!

Тьфу, балбеска!

Я присела и с трудом поднялась. Коленки дрожали после

десяти приседаний так, что впору к ним миксер привязывать и омлет сбивать! Епт-компот, как любит говаривать один из клиентов нашего центра! Мне это решительно не нравится.

– Эсса Каэтана! Еще десять отжиманий!

Вот тут я и пожалела, что нет у меня бюста шестого размера. Лег на него – и лежи себе дальше. И дышать можешь. Назовем сие отжиманием.

Ладно-ладно, попробуем. И прошу заметить, что все это я предельваю в ПЛАТЬЕ!!! Длинном!

Глухом!

Пот ручьем льет – тут прачечная есть или мне все на руках стирать? Нет, память Каэтаны подсказала, что так извращаться не приходится. Хоть и жуткие у нее платья, но их десять штук, можно каждый день менять, даже по два раза.

И прачечная есть. Хозяйственные службы тут работают. Раз в три дня приноси вещи – постирают, заштопают. Все совершенно бесплатно. И постельное белье тут меняют раз в неделю. Уборку – и ту делают! Бардак в комнате разбирать не будут, но полы помоют, постель поменяют, а раз в месяц и окна вымоют.

Так жить можно...

– Эсса Каэтана! Еще десять отжиманий!

Мне кажется или преподавательница издевается над бедолажной тушкой девчонки? погоди ж ты у меня! Я тебе устрою степ-аэробику! С утяжелением!

Руки подогнулись – и я ткнулась носом в землю. Тьфу!

* * *

Сейчас я намного лучше понимаю своих девочек. Тех, кто ходил ко мне заниматься. Тех, кто первые занятия выглядел загнанной лошастью. Казалось, ничто не заставит меня оторвать руки от земли.

Сердце колотится в горле, ноги чугунные, голова весит целую тонну, мерзкий пот течет по лицу, заливая глаза, подташнивает...

Щас сдохну-у-у-у-у...

Нет?

Даже этого мне не дадут.

Казалось, ничто не заставит меня шевельнуться, кроме...

Над головой захлопали крылья. И я невольно дернулась.

Чтобы произвести такой шум, птичек должна быть целая эскадрилья. А у них недержание. Обгадят от ушей до пяток, не отмоюсь... куда драпать?

Где прятаться?

Нигде...

Потому что в небесах парили ОНИ.

Невероятные.

Величественные!

Громадные!!!

Как описать дракона одним словом?

Восторг.

Они наплывали откуда-то сбоку, клином, разворачивались в треугольники, собирались в строй, снова перестраивались... их было так много, самых разных. Сначала я не понимала, потом начала выделять основные цвета.

Четыре основных цвета.

Белый, черный, синий, красный.

Дополнительные, их намного меньше, зеленый и желтый.

Мощные крылья распахнуты, но все равно непонятно, как они держат в воздухе громадные тела. И не ящерица это вообще, и не змея. Драконы совсем иные, хотя в чем это заключается – я не отвечу.

Соразмерность, изящество, мощь, и все это в тесной клетке из плоти и крови.

И – огонь!

Даже сейчас я вижу... чувствую? Я понимаю, что в любой момент нас может снести шквалом пламени, но восхищаюсь. Что-то случилось такое с моим зрением, что я отчетливо вижу каждую деталь, каждое их движение, каждую чешуйку на морде летящего впереди черного дракона.

Здоровущего такого...

Ничего он не змея.

Он разумен, и еще поумнее многих будет. У него огромные глаза. Серьезные и ясные, спокойные и доброжелательные. Прозрачные, словно старый янтарь. И морда... лицо тоже спокойное. Он выполняет свою работу, он выводит молодняк на вылет. Он учит и приглядывает.

Он... он такой настоящий!

У меня просто слов нет...

– Эсса, вы так и будете лежать?

Раэша... как там ее?

Чинзана?

– Да, буду, – отозвалась я. – А что?

– Вы что – драконов никогда не видели?

Никогда. И теперь ни о чем не жалею. Если и было в моей голове что-то такое... сожаление, горечь, боль, невозможность вернуться... все выдуло, словно взмахом мощных крыльев. И ничего они не прозрачные. И площадь у них очень серьезная, и размах... больше всего это похоже на крылья летучей мыши. Только чувствуется, что они намного прочнее.

– Какие они... невероятные!

Кажется, раэша что-то прочитала на моем лице, потому что смягчилась.

– Ладно. Еще три минуты лежите, потом опять комплекс отжиманий. Понятно?

Я хрюкнула что-то согласное. А что я еще могу сказать? Да что угодно, лишь бы не отрывать взгляда от величественного видения, которое сейчас проплывает надо мной к морю. Там они будут тренироваться.

А я?!

Я тоже так хочу!

Возьмите меня, пожалуйста!!!

Увы, драконы меня не слышали. Они медленно летели по направлению к морю. А раэша оказалась полностью права. Ровно через три минуты скрылся последний дракон, и небо очистилось. А я как раз и дыхание немного выровняла, так что без напоминаний перевернулась в «упор лежа».

Отжимания?

Да подавитесь! После драконов все это кажется таким незначительным! Таким... крохотным!

Хочу туда! К ним!

Туда, где ветер!

Даннара, спасибо тебе! Самое искреннее спасибо!

* * *

На вахте сидела уже другая тетка.

«Раэша Линда Ония», – шепнула память. Она же и подсказала, что эта раэша относилась к девчонкам плохо. Ко всем.

Каэтана тут на общем фоне не выделялась. Бесит раэшу просто! Что бесит? А все!

Почему она старая, толстая и раэша – а тут перед ней бегают молодые симпатичные эссы! Хотя... старая? Я пригляделась. Ну и вовсе нет! Лет сорок тетке, просто не надо булочки пирожками закусывать! Тогда и попа на одном стуле помещаться начнет!

Я прошла в свою комнату. Потом осмотрела дверь душе-

вой.

Хм-м... плохо. С моей стороны имеется вульгарная задвижка. Шпенек, пластинка, гнездо... такую легко не испортишь! А КАК ее можно испортить?

Никак.

С другой стороны, привинчена эта задвижка обычными винтами. Вульгарными даже.

А что у меня тут полезного?

Эх, где мой мультитул? Любимый, из качественной стали... знаете, сколько там насадок было для отвертки? Двадцать!

Я бы им вмиг что хочешь отвинтила! А тут возилась с маникюрными ножницами, как дура! Минут пять грохнула!

И решительно отправилась вниз.

– Раэша, простите, что я вас беспокою...

Недовольный взгляд. Как на описавшуюся кошку. Ну так и будем ее косплеить! Мяу-у-у-у-у!

– Раэша, простите... я не хотела, оно само...

Минут через пять лепета и трепета раэша уяснила суть дела. Вздохнула, вытащила из стола что-то такое... жутковатое и отверткообразное. Как в пятнадцатом веке, ей-ей. Хоть ты Бертольда Шварца ищи по закоулкам!³

– Пойдемте, эсса.

Видимо, решила, что проще самой сходить, чем объяс-

³ Францисканец Бертольд Шварц считается изобретателем отвертки. Выглядела она на тот момент жутковато и до XX века сильно не менялась.

нять дурочке, что надо сделать и как. А мне того и надо.

* * *

При виде задвижки, которая держалась на огрызках болта и честном слове, раэша сдвинула брови – и быстро взялась за дело. А именно, кивнула мне отойти и распахнула дверь. Так-то ее привинтить можно, но сложнее. Проще открыть дверь, устроиться поудобнее...

Последнее не получилось ни у кого.

Ни у трех девиц, которые сплетничали, подправляя перед зеркалом краски на мордочках.

Ни у раэши, которую без затей облило с ног до головы чернилами.

Епт-компот!

Первый класс школы для слабоумных! Эти красавицы над дверью банку чернил прицепили! Ы-ы-ы-ы-ы! Они бы еще веревку поперек порога натянули.

Фейспалм удалось задавить в зародыше. И истошно завизжать – чтобы раэша поняла, что попала.

А, нет. Попала не она. Попали девицы. Судя по воплям, которые выходят на расчетную мощность...

– ...Себе позволяете?!...! Идиотские шуточки!!! Позор всему семейству!!!

Я тихонько отползла в сторонку и ухмылялась на кровати. Так, чтобы меня участники не видели. А зачем? Им хо-

рошо, они делом заняты. Я вот тоже займусь. Переоденусь потихоньку за дверцей шкафа... потная? Ничего, мы по дедовскому методу! Водичкой из графина на полотенце плеснуть, протереться на скорую руку – и свалить. Воровать у Каэ просто нечего, тут любой вор от горя удавится. Комнату раэша и без меня закроет. А под раздачу попадать?

Не-не-не. Без меня, пожалуйста. Знаю я, что дальше будет. Сейчас раэша проорется. Потом девчонки огребут взысканий и будут долго отмывать душевую.

Потом все вспомнят обо мне... а меня тут и нет. И вообще – кушать хочется.

Интересно, что тут предлагают на завтрак?

* * *

Серое платье шло Каэтане ничуть не больше остальных. Серый – он ведь тоже разный. Есть благородный серебристый, есть глубокий графитовый, есть оттенок голубиноного крыла. А есть шкурка больной поносом мыши. Судя по всему, мышей у портнихи было много. Страдающих.

Итак, столовая.

Что у нас на завтрак?

Епт-компот! Оф-ф-фсянка, сэр? Нет, перлоф-ф-фка, мэм!

ТЬфу, гады!

Если кто понимает, перловку можно сварить так, что паль-

чки оближешь. С тушеночкой, с травами, с тыквой и медом, с овощами... да я такое изображу! Тарелку вылизете!

Но тут это самая обычная «шрапнель». Такое кушать – себя не уважать.

А выбора нет. Еще для возбуждения аппетита предлагается хлеб с маслом и сыром и кисель такого вида, словно его из слизняков варили. Вкусовые качества там тоже на уровне, хлеб жесткий, сыр пахнет козой, кисель можно одним глотком выпить...

Каэтана предпочитала скушать бутерброд – и запить водой. Потом, из-под крана.

Я такими глупостями страдать не собираюсь. Получила на поднос тарелки, отползла подальше в тень, за привычный столик, и там принялась усиленно жевать. Жевать, я сказала! И не думать, что каша явно пригорела! Привкус у нее такой... гадкий. И запах не слишком.

У нас сосед по даче курей вкуснее кормил! Он эту пшеночку на открытом огне, на печке, в котелке... Там такой запах шел! Народ за три улицы облизываться начинал!

Жую! Думаю о хорошем.

Заодно поглядываю по сторонам. Лишний раз убеждаюсь, что травить Каэ было просто незачем. Парней тут намного больше, чем девчонок. Интересный перегиб. Кажется, чего-то мой донор попросту не знает. В библиотеку!

Сегодня же, после занятий.

А что у нас сегодня?

На повестке дня землеописание. Потом математика. И под конец – домоводство. Ладно. Посмотрим, чему меня там научить попытаются. Особенно на математике.

* * *

Преподавателя землеописания звали Бонифацио Риос. Симпатичный мужчина примерно лет тридцати пяти вдохновенно рассказывал про Санторин. Я слушала с интересом.

Рассказывать мужчина действительно умел. Подбирал интересные факты, шутил, улыбался... ученицы смотрели влюбленными глазами. Мне кажется – или щуку бросили в реку?

Вполне возможно.

Сам раз Риос никого не выделял, за время урока успев обратиться с вопросами к каждой девушке. Кроме Каэтаны.

Я мысленно поставила ему плюс.

Кстати – память Каэтаны подсказывала, что пару раз он ее так спросил. Увидел, как стесняется девушка, и пожалел. Читай перевод: не хотел ждать, пока девчонка промямлит все, что у нее на языке. А то пока ответ через застенчивость пробьется, там урок закончится.

Но слушать действительно интересно. Особенно если отдавать политинформацию.

Как я понимаю, у Равена есть шикарное преимущество. Драконы.

Так-то, теоретически, они не станут вмешиваться в конфликты людей. Но им и не нужно. Начинается война, все драконарии делают большие глаза – и улетают к себе домой. А на территорию агрессора дружно и весело ползут морские монстры.

А что такого? Им кушать хочется...

В результате война заканчивается естественным путем.

Именно поэтому Санторин пока не завоевал половину континента. И даже сопредельные ему страны постарался привязать не войной, а... м-да. Что я там думала про Османскую империю? Вот и оно...

Соседом Санторина является Ларана. Примерно так лет сто пятьдесят назад в Ларане осталась одна незамужняя принцесса. Папа отравился грибами, и мама-королева отравилась грибами, и два старших брата грибами отравились. А принцесса грибы есть не хотела. Аллергия, наверное.

Зато замуж она вышла удачно. Не за санторинского тора – это их верховный титул, вроде короля, – а за его младшего брата. И потом, за прошедшие сто пятьдесят лет – считай, шесть поколений, – были еще два «родственных брака». Получается, вроде и страна как бы есть, и она почти независима. А на самом деле будет Санторин воевать – Ларана в стороне не останется.

Что с принцессой случилось? У нее была аллергия на грибы. Поэтому, родив супругу шестерых детей, она отравилась кофе.

Лично для себя я выводы сделала. После занятий хотела подойти к раэну, попросить список дополнительной литературы, чтобы почитать про соседей и «заклятых друзей», но того уже атаковали девушки. Закружили, затрещали... если попробую подойти, они меня там точно сожрут. Поэтому пришлось дожидаться, пока парни выйдут из кабинета, и выйти тоже.

Математика?

Пусть будет математика. Вот уж этому предмету я и сама кого хочешь поучить могу. Два раза. Алгебре и геометрии.

* * *

Кто-то мне сейчас скажет: ты ж спортсменка? Какая математика?

Но тут выбора не было. Будь я хоть чемпионкой мира, математику учить бы пришлось. У меня была школа совсем рядом с домом, очень удобно расположена, и классный руководитель – реально классный, другого слова не подберешь, и директор меня легко отпускал на сборы-тренировки. Но!

Математику в школе вела Виктория Львовна. И отчество ей шло, как никому другому. Уж вы мне поверьте!

Упади она в бассейн с крокодилами, несчастных зверушек уже ничего не спасло бы. Ровно через год они бы спокойно могли плыть в МГУ, сдавать вступительные по математике. Брать билет без подготовки и решать задачки с листа. Устно.

Вышка? Тервер?⁴

Да я потом в институте долго не могла понять, кто надо мной издевается и зачем. Преподаватель? А чего нам такие простые задачки дают? Мы такие классе в десятом уже решали без усилий.

У Виктории Львовны была лишь одна уважительная причина, по которой ты мог не сделать домашнюю работу. Это – смерть. И то... ты сначала все сдай, а потом ползи на кладбище.

Операция?

Восемь переломов?

И что? Ты на операционном столе должен лежать с учебником в зубах. Заодно отвлечешься, пока тебя по кусочкам собирать будут!

Не нравится? А тебя в этой школе никто и не держит. Два в четверти – два в году – и отчисление. Директор, который некогда сам учился у Виктории Львовны, защищал ее от любых родительских нападков. Да и было их немного...

Лютовала и зверствовала она, конечно, хуже Лернейской гидры, но, как ни странно, мы ее обожали. Списать математику? Никогда! Святотатство! Побить богохульника учебником алгебры! Прихлопнуть «Сканави» и зарыть в канаве⁵.

⁴ Теория вероятности.

⁵ Имеется в виду сборник задач М. И. Сканави. И нет, автор не преувеличивает. Лично такую математичку знала. Только имя поменяла. А так – шикарная была учительница.

Я так задумалась, что не заметила даже Матиаса. И едва не снесла бедолагу с ног.

– Ты! – прошипел несчастный.

По ноге я ему прошлась нехило так. Обувь у Каэтаны грубая, подошва толстая. Мне-то и ничего, а если по сафьяновому башмачку такой тапочкой пройтись, будет больно.

– Я. – С этим можно и не скрываться. Кто ему поверит-то? – Чего надо?

– Сегодня вернешь мне деньги. Поняла?

Я огляделась по сторонам. Нет никого?

Отлично, нет... посмотрела на Матиаса. И ведь симпатичный же парень. Высокий, широкоплечий, волосы светлые, такими картинными кольцами вьются, глаза глубокие, карие... и такой дурак?

Жалко. Генофонд пропадает.

– Перебьешься.

– Не то я всем покажу твоё бельё.

– Показывай, – разрешила я. – Надевай и демонстрируй.

– И записки твои покажу!

– И записки показывай. Можешь сразу выложить в уборной. Там с ними точно все ознакомятся, – согласилась я.

– И... ты что – вообще не боишься?

Дошло? Он что – не безнадежный идиот?

– Кого или чего мне бояться?

Люблю я еврейский народ. Пострадав от других, они отомстили со вкусом. И придумали отвечать вопросом на во-

прос.

Матиас растерялся.

– Эм-м-м... ты понимаешь, что я могу с тобой сделать?

– Ничего, – преспокойно ответила я.

Парень сильно дернул меня за руку, чтобы то ли напугать, то ли причинить боль.

– Верни деньги. Или я твою жизнь в кошмар превращу!

Наивный. Это я тебя сейчас в омлет превращу... частью. Отбить, взболтать, но не смешивать.

Я резко крутанула запястьем, разрывая хватку. Силы у Каэтаны нет, но тут резкость нужна. Хватка Матиаса, повинуюсь законам физики, расцепилась, а я оскалилась ему в лицо.

– У меня есть предложение получше.

– Да? – Настало время Матиаса удивляться.

– Я решила, что мне не помешает еще тысяч десять золотых солеев. Поэтому... ты можешь попробовать испортить мне настроение. Но деньги приготовь заранее.

– Что здесь происходит?

А, раэн Риос. Ничего удивительного, скоро уже урок. Вот его и отпустили восхищенные студентки. Или он их разогнал.

Эс Матиас замялся, а я даже не подумала смущаться.

– Эс мне неприличное предложение делает, раэн Риос.

– Даже интересно стало – какое? Это не секрет, эсса?

А преподаватель-то у нас садист? И улыбочка такая... ядовитая. Ему Лиез не нравится персонально? Или вообще

все эсы?

– Не секрет. Обещает мне вечную любовь – за мои же деньги.

– Вы согласились, эсса?

Матиас цвел ушами и шел пятнами, аки хамелеон-извращенец.

– Боюсь не прокормить. Очень крупный мальчик вымахал, раэн.

Эс Лиез понял, что оправдаться не удастся, переговорить меня – тоже, и пошел по пути наименьшего сопротивления. Удрал, гад. Меня аж воздушной волной на преподавателя отбросило.

– Простите, раэн Риос.

– Ничего страшного, эсса Кордова. Я так и думал, что вы умнее, чем стараетесь казаться.

Я развела руками.

– Надеюсь, этот маленький секрет останется между нами, раэн?

– Безусловно. Если вы скажете мне, зачем вам это понадобилось.

А что тут скажешь? Осталось выбрать самый простой ответ.

– В этом цветнике проще не привлекать внимания. Слишком пристального. Жить хочется, раэн. Мой род не слишком богат, не слишком знатен... серой мышью жить проще, чем роскошной львицей. Да и усилий меньше тратится.

– Вы и правда умны, эсса. Занятие уже началось, давайте я вас провожу?

– Буду благодарна, раэн. И раз уж вы считаете меня умной... посоветуйте какие-нибудь книги по современному землеописанию? Чтобы я разобралась в тонкостях международной политики, а не только собственно расположения стран?

– Хм... интересный вопрос. Я подумаю, что вам посоветовать. А пока попробуйте почитать газеты.

Вопрос, есть ли здесь газеты, пришлось срочно проглотить. Каэ, ну как так можно?! Ты бы еще в пещеру к отшельникам залезла! Неужели твой отец газет не читал?

Память послушно подсунула картинку семейных взаимоотношений Каэтаны и Рауля Кордова. М-да.

Вопросы отпали. В принципе.

Видела своего «обожаемого» папочку Каэ ровно два раза в день. По пять минут, не больше. С утра отец вызывал ее в кабинет и интересовался ее планами. Или ставил в известность о своих.

К примеру, оповещал о своем отъезде. Или о приезде друзей.

Вечером, если Каэтана ничего не натворила и все успела сделать, – короткое: «хорошо». Нет? Будешь наказана. Обычно – лечебным голоданием. То есть оставят без завтрака или вообще на сутки без еды в молитвах. Ну не твою ж налево?

Бедная девчонка!

Кажется, папаше нужно начинать молиться, чтобы я проучилась подольше. Тогда и он подольше поживет. Наверное. Не стоит забывать о каникулах, не так ли?

– Эсса, вы уверены, что эс Лиез промолчит?

Я пожала плечами.

– Раэн, а вы бы ему поверили?

– Нет, эсса. Должен сделать вам комплимент – вы великолепно владеете собой.

Я развела руками.

– Я стараюсь, раэн. Надеюсь, вы поймете меня правильно и впредь.

– Разумеется, эсса.

И передо мной вежливо распахнули дверь кабинета.

– Раэн Ледэсма, я прошу прощения. Я немного задержал вашу ученицу.

«Тьяго Ледесма», – подсказала память.

Сухопарый высокий старик, стоящий у доски, посмотрел на меня, как орел на мышь. Сходство усиливали равно и его орлиный нос, и мое платьишко.

– Ничего страшного. К доске, эсса Кордова.

– Да, раэн.

Изображая воплощенное несчастье, я побрела к доске. Черной, блестящей.

– Записывайте условие задачи. В урне находится 15 белых, 5 красных и 10 черных шаров. Наугад извлекается один

шар. Какова вероятность, что это будет красный шар?

– Одна шестая, – машинально ответила я. И тут же выругала себя. Но... Кто меня, дуру, за язык тянул? Это что – еще и считать надо? Число красных шаров делится на число всех шаров – это устно поделить можно. Если б я такое на доске считала, меня бы Виктория Львовна ею же и пришибла.

Что там!

За калькулятор на ее уроке можно было вылететь из класса с визгом! Умножать трехзначные числа в уме? Называйте трехзначные!

Раэн воззрился на меня еще пристальнее.

– Приятно видеть, что вы не зря посещаете мои уроки, эс-са. Какова вероятность того, что при бросании двух игральных костей в сумме выпадет пять очков?

– Одна девятая, – вздохнула я, понимая, что палюсь капитально.

«Штирлиц шел по Берлину. И ничего-то в нем разведчика не выдавало. Ни буденовка, ни парашют, ни “Катюша”, которую он распевал во все горло, прихлебывая водку из бутылки».

Но что тут считать-то? Всего у каждой кости шесть граней, итого тридцать шесть комбинаций. Из них четыре вероятности, что выпадет пять. Это в уме считать надо!

– Расписать решение?

А может, и не палюсь. Все равно я ни одного местного математического символа не помню. Каэтана, кстати, тоже.

Записывать так, как это принято у нас?..

– А распишет нам все эсса Карсез. Если она на моем занятии занята своими ногтями, значит, и все ответы на вопросы знает. Садитесь, эсса Кордова. И впредь слушайте так же внимательно.

Фу-у-у-у-у! Пронесло.

Нарсия бросила на меня злобный взгляд, но к доске пошла.

Мне действительно повезло. Символы здесь совсем другие, не те, что у нас. Ничего, был бы смысл, а обозначения нарастут... может, им парадокс Монти Холла подкинуть? С драконами и козами?⁶

Я уныло побрела к первой парте. Не-не, Каэтане она не нравилась. Просто задние парты оккупировала местная элита. Там и ногтями заняться можно, и подремать, и еще что-то поделать. А на первой парте – ничего. Сиди и смотри на преподавателя. И не спишешь даже.

Вот Каэтана и сидела, смотрела на доску, писала. Правда, ничего не понимала. Как и эта... Карсез. Смотрит как баран на новые ворота. Чего-то калякает, мычит... кажется, она не знает, как я решала.

– Понятно! Эс... Лиез!

Матиас к доске вышел королем. И даже решение записал. Правда, на следующей задачке срезался. Я ее привычно прогнала в уме, пометила на полях, что будет одна шестая, но

⁶ Задача из тервера, которую прозвали парадоксом за неожиданное решение.

и только.

Преподаватель дал еще две задачи на самостоятельное решение, подошел ко мне.

– Эсса?

Я быстро написала на полях ответы, посмотрела на него.

– Верно, раэн?

– Верно, эсса. Рад видеть хоть одного ученика, который не просто так посещает мой предмет. Хотите задачку посложнее?

– Хочу, – кивнула я. – Мне нравится.

– Вы решали задачи дома?

– Да, раэн.

– Тогда записывайте.

Предложенная задачка была уже посложнее. Я записала ее, подумала и все же решилась:

– Раэн, могу ли я предложить вашему вниманию забавную задачку?

Благо все остальные так заняты, что на нас и внимания не обращают. Да и нет желающих сидеть так близко к преподавателю, первый и второй ряд традиционно пустые.

Парадоксу – быть!

Остаток занятия мы с раэном провели вполне приятно, перебрасываясь задачками. Он – мне, я ему... да, тут еще и класс присутствовал?

Им раэн тоже отжалел еще четыре задачи. Классу хватило.

Обед.

Я не поняла, тут нарочно подают те блюда, которые я ненавижу? Гороховый суп, бррр! Если его варить правильно – вкуснейшая штука! С копчеными ребрышками, например!

У меня не с первого раза получилось, но мужу нравилось, и я готовила. Тьфу, вспомнилось же!

А это...

Пюре неопределенного оттенка, цвет болота, в котором зародилась жизнь, не иначе. Горохом пахнет – и это все. Поев такого супчика, рискуешь воспарить под потолок. На ветровой тяге.

Нет, настолько я не оголодала. Но тарелка уже приземлилась мне на поднос. Равно как и второе, и хлеб, и булочка с компотом. Что на второе?

О, отлично! Кукурузная каша с подливкой, в которой даже мясо есть! Приличное количество мяса. Это я ем, даже в таком печальном виде! И компот пью. Особенно если в нем персики попадают, а они там есть. И булочка такая – в две мои ладони! Живем!

Супчик я отставила на край стола и занялась вторым.

– Это что было, ты?..

Эсса Нарсия Карсез стояла у моего столика. За ее спиной переминалась с ноги на ногу верная подпевала – Майя Пе-

ральта.

– Это гороховый суп, – показала я пальчиком. – Поделиться?

И сунула в рот еще одну ложку каши. Чую я, к чему идет, а кушать хочется.

– На математике! Ты меня решила душой выставить, дрянь?

Если бы эсса не надвигалась на меня, может, ничего бы и не случилось. Но...

Я даже поучаствовать не успела.

Каэтана изволила кушать одна. Рядом со столом, куда сгружают грязную посуду. Непрестижное место еще и потому, что здесь большое движение народа. Я-то его отслеживала. А вот Нарсия, которая стояла ко мне лицом, нет. И зря.

Идущий мимо третьекурсник толкнул Майю, та очень удачно налетела на Нарсию; я-то успела вскочить из-за стола, еще и стакан с компотом прихватила, а вот девушки украсились моим обедом. Основная часть супа и каши досталась Нарсии, но и Майе чуточку перепало.

– Ты!!! – развернулась разозленная Нарсия уже к новому врагу.

А зря. Выглядела она так, что лучше бы бежала до дома и переодевалась. Быстро. Гороховый суп на одежде... м-да.

Третьекурсник сдвинул брови.

– Детка, ты кто?

Растаять захотелось даже мне. А уж девчонки...

Парень, который стоял перед ними, выглядел так, что эс Лиез на его фоне смотрелся блекло. Высокий, широкоплечий, блондин, в кожаной куртке... да хоть сейчас его на плакат! Арийскую расу рекламировать!

Нарсия побледнела. Потом покраснела, осознала, в каком она виде, и позеленела, под цвет супчика.

– Я... эсса Карсез...

– Детка, не стой на проходе.

Я залпом выпила компот, доев на лету два персика, сунула в карман булку – и аккуратно сдвинулась так, чтобы Нарсия не начала снова орать. Третьекурсник, кажется, заметил мой маневр, но промолчал. Умный мальчик, хороший.

– Первый курс? Тогда все понятно...

Что ему было понятно, я не дослушала. Удрала из столовой, пока не примчалась повариха, ругаться с Нарсией за перевернутый стул и разбитые тарелки.

* * *

В общежитие идти не хотелось. А куда бы занориться, чтобы и мне никто не мешал, и я никому не мешала? В библиотеку?

Нет, пока времени маловато. Можно сделать нечто другое. Сходить и посмотреть карту местности. Память Каэтаны подсказывала, что она должна быть прикреплена на первом этаже, в учебном корпусе, рядом с главным входом. Каэтана

ее запомнила плохо. Дорога «общежитие – учебный корпус – столовая» есть? И хватит для жизни. Все равно выходить куда-то еще девчонка попросту боялась. Там же народ! Его много!

Так что я сунула в рот кусок булки и отправилась к учебному корпусу. А красивое, кстати, здание. Высокое, трехэтажное, чем-то напоминает советский модерн. Форма – словно распахнутые руки, спереди портик с колоннами, парадная лестница, скругленные края. С утра я как-то внимания не обратила... Нет! Мы просто занимаемся в другом здании. А сейчас я смотрю на главное здание спереди.

Интересно, сколько сюда мрамора ушло? Дорого, наверное...

А вот и двери. Резные, тяжелые, сразу видно. Но открываются очень легко. Пальцем ткни. Я вот дернула – и чуть в холл не влетела. Холл тоже здоровущий, сбоку доска с объявлениями. И рядом карта. Эх, сотового нет! Сейчас бы сфотографировать!

Ну хоть так зарисую, условно.

Я достала тетрадь из сумки и вытащила грифель. Да-да, привычных карандашей тут нет, есть грифель в бумажной обертке. Может, изобрести карандаш и запатентовать? Великая вещь пропадает!

Итак, академия. Здоровущий неправильный восьмиугольник. Одной гранью прилегает к горам, одной к морю. Остальные грани, я так понимаю, обусловлены рельефом местно-

сти.

На территории академии расположены учебные корпуса – три штуки. По одному на каждый курс. Мы пока занимаемся в здании для первокурсников, потом переползем в соседнее и напоследок – сюда. Еще здесь есть общежития. Две штуки. Большие. Для мальчиков и девочек.

Преподаватели живут в отдельных домиках. Вот они, так и нарисованы. Так и подписано – дома преподавателей. Ясно... мне бы тоже не хотелось жить в общеаге. А у кого-то семьи, дети наверняка.

Я когда Гарри Поттера читала, меня всегда возмущало интернатское житье.

Ладно – дети! Интернаты в Англии в порядке вещей. Хотя тоже свинство, конечно! Вы сами в одиннадцать-то лет поживите без родителей? Чтобы вас и не обняли, и не поцеловали, и не поругали, если есть за что? Полгода родных не видеть! Да рехнешься! А родителям какво? В жизни бы ребенка в такой гадюшник не отпустила. Край – поселилась бы под стеной школы, и никакой Волдеморт там не прошел бы. Но что – ни у кого из преподавателей семьи нет? А ведь ничего такого сказано не было... Не школа, а цирк уродов. Моральных. Кто не замужем, кто не женат. Зато все заняты – Волдеморта гоняют и мир спасают.

Здесь преподаватели расположились с комфортом, вот парк показан, который отделяет их дома от основного массива академии. Тоже понятно. Уединения хочется, а не сту-

дентов из-под окон гонять.

Есть гостиница для вип-персон. Тоже понятно, вдруг начальство приедет, и где его размещать?

Ага.

Собственно драконятник. Или драконарий – как его тут правильно? Да хоть бы и драконюшня!

Полигоны для тренировок занимают примерно половину территории.

Больница. Не пара комнат, а полноценная больница. Целое здание. Говорящий факт. Это не медпункт с вечно сонной медсестрой. Хотя чего удивляться? Даже хомячок человека так покусать может, что месяц швы проносишь. А дракон немножко покрупнее, нет? Отдельно – морг?.. Это кого же тут так круто препарируют?

Отдельно – библиотека.

Отдельно – лаборатория.

Я перерисовывала карту, кое-как карябала расстояния и ориентиры. А и ничего! Потом все выучу!

Успела?

Все успела. И булку дожевать, и карту нарисовать. И до корпуса своего доскакать, того самого, с цифрой один на фронтоне. И на домоводство успела.

* * *

Раэша Ирена Понс мне не понравилась с первого взгляда.

Кто должен преподавать домоводство? Кто-то уютный, спокойный, домашний, кругленький. А тут – двухметровая громила, от одного вида которой хочется под стол залезть. И не вылезать неделю! Не поймешь, то ли женщина, то ли мужчина. Половых признаков – только имя, все остальное неопределенно. Волосы длинные?

Тут у всех они длинные. До плеч обязательно, ниже – по желанию. Короткую стрижку я еще ни у кого не видела. А остальное у бабы – какое-то гипертрофированное.

Ей-ей, от такой сбежит даже Кинг-Конг! Быстро. Роняя по дороге кокосовые орехи и надеясь, что не догонят. Суровое лицо, мускулистые руки, длинные ноги, а еще татуировки и шрамы в комплект. Грудь нет, фигура скорее мужская, чем женская. Слово ее тупым топором из дерева вырубали.

Брр!

Понятно, народ молчит и слушает, и лишний раз не дергается. Жить-то хочется! Я тоже сижу над тетрадкой и молчу. Жду. И так, что же нам расскажут на домоводстве?

Хм, как оказалось – предмет полезный.

Потому что раэша начала не сходя с места посвящать нас в сервировку стола. Ложки, ножи, вилки, крючки, лопаточки, чаши для пунша и для крющона, чаши для омовения рук и влажные салфетки...

Я писала, не поднимая головы. Еще и зарисовала бегло. Раэша на доске изображала, я перерисовывала в тетради.

И не обращала никакого внимания на взгляды моих сосе-

док. Появились, гидры злобные! Видимо, вахтерша уже отмылась...

И назревали проблемы.

Перед уроком они меня отловить не успели, но после урока наверняка воспользуются представленной возможностью.

И мне придется или как-то подставить их еще раз, или...

Судя по утреннему розыгрышу, я недооцениваю ситуацию. А ведь происходящее – это уже не игрушки. Как тренер и как преподаватель физкультуры – да, есть у меня и такая специальность в дипломе – я сталкивалась с травлей школьников и студентов. И для себя делила все это на три категории вреда. Вред моральный, материальный и физический. Знаю, что у психологов другая градация, но мне бы практическое применение, а не теории по Фрейдю.

Проще всего с моральным вредом. Есть шуточки гадкие, но безобидные по сути. То, что обидно, противно, но не несет физического вреда. К примеру, гадкие прозвища. Или бойкот. Это неприятно?

Да это просто песец! Но тем не менее... дразни меня хоть кучей навоза, лишь бы мухи не садились! Это случается, но если жертва травли достаточно сильна, чтобы все преодолеть и выдержать, он или она еще и сильнее станет. Более того, повзрослев, никто и никогда об этом и не вспомнит. Кроме самой жертвы... впрочем, это сейчас не так важно.

Есть вариант травли, который не несет вреда физического, но несет материальный и репутационный. Поиграть в

футбол рюкзаком жертвы, спрятать пенал, попортить одежду, грохнуть домашнее задание... думаю, с этим все тоже сталкивались. Страдает кошелек, страдает репутация, ты ведь не объяснишь преподавателю, что это Вовка, к примеру, тетрадкой зад в туалете вытер...

И самый неприятный вариант. Физический.

То, что и происходит с Каэтаной. До меня как-то не сразу дошло, а ведь все к этому. Беззащитность жертвы, видимо, спровоцировала подонков на активацию травли. Или как-то это научно сказать можно – не суть. Суть в том, что тигров не травят, травят обычно зайцев.

Матиас приглашал девчонку во двор – зачем? И ведь не просто во двор, в башню... он ее испугал. Чем это могло кончиться?

Падение с лестницы – было. И в результате в полудохлую тушку переселили меня. А как насчет других вариантов? Того же изнасилования? Могло быть и так, а испуганная и забитая Каэтана попросту побоялась бы слово против вякнуть. Если бы вообще не пролежала в обмороке весь процесс.

Девчонки решили облить Каэ чернилами.

Безобидно? Ха, как бы не так!

Знаете, что входит сейчас в состав чернил? Я вот знаю. Сажа, клей, дубовые орешки, камедь, кислота... короче – фиг ототрешь. Только с верхним слоем кожи, недели за две-три. Я уж молчу про волосы, про раздражение... вахтершу я подставила серьезно. Но кто ж мог знать, что эти дуры такие ду-

ры?

Надо полагать, они и получили сейчас по полной. И вызов к ректору, и трепку, и что-то еще приятное... мне с ними еще одной ванной пользоваться. И что делать?

Сыграть сейчас беззащитность и заблестеть? Это не для меня. И боюсь, тогда мне придется идти на отработки вместо них или еще что-то неприятное сделать. Придумают – что. На гадости у таких голова отлично работает!

Вариант второй. Показать клыки и когти – и напугать. Но получится ли?

А, не попробуешь – не узнаешь. Терпеть и молчать у меня все равно не получится, характер не тот. Но делать надо так, чтобы меня потом ни в чем не обвинили. Хоть ты убивай, но не попадайся.

Пока не уйдет преподаватель, разборок не будет. Но и при всем классе лучше их не допускать. Тогда что? Тогда их надо просто спровоцировать на разборки в удобном месте и в удобное время.

Надо уйти чуточку пораньше и свернуть... ага. План я помню, есть очень удобный проулочек между нашим учебным корпусом и библиотекой. Пробуем!

И я принялась записывать дальше.

* * *

– А ну, стой! Ты, дрянь!

Олинда Оливера наступала на меня первой, сжав кулачки. И я заметила на них чернильные следы. Каэтана в таких случаях бледнела, мямлила, пятилась. Я наоборот, шагнула вперед.

– Я дрянь? Еще раз ты, подруга, попробуешь меня чернилами облить – я тебе их в глотку залью. Ты поняла?

Получилось у меня очень неплохо. Так низко, с рычащими нотками. Судя по всему, девчонку пробрало. Я продолжала шагать вперед, заставляя уже ее пятиться. И две ее прилипалы тоже двигались задом наперед.

– Я тебя трогала? Я твои вещи портила? Я у тебя парней уводила? Я тебе хоть слово лишнее сказала? Так какого дракона ты ко мне лезешь, а? Проблем надо? Я тебе их устрою!

– Да что ты...

Голос звучал не слишком уверенно. Эсса Оливера не ожидала агрессии и потеряла несколько позиций. Теперь надо ее дожать.

– Сегодня ты напакостила вахтерше. Не мне, поняла? И будешь отрабатывать. В следующий раз получишь еще сильнее.

– Это ты виновата!

– А ты докажи? – невинно предложила я.

Взгляд красотки заметался. И я поставила точку:

– Запомните. Вы, все три! Первая я ни к кому не полезу. Но ответу так, что костей не соберете.

Развернулась и пошла.

Осознанно. Расчетливо и подло провоцируя Олинду напасть. И конечно, та не выдержала. Вцепиться мне в волосы, прямо в пучок, дернуть назад, свалить, попинать ногами... и чего будут стоять мои угрозы?

Какая разница, что там орет поверженный враг? От «Я тебя убью!!!» до «Свободу попугаям!!!». Это уже никого не волнует. Пусть орет!

Наивная душа! Да кто ж тебе вцепиться-то даст!

Шаг в сторону, вовремя подставленная нога – и легкий, почти незаметный толчок в спину. Для этого и боевых искусств никаких не надо. Ну кто, кто нападает, когда солнце светит в спину и по метнувшейся тени видны все твои движения? Тьфу, дилетанты!

Позорище!

Олинда так загремела костями о дорожку, что мне камни стало жалко. Ей-ей. Даже искры почудились на минуту. Ничего, не покалечится.

Девчонки дружно завизжали.

Я сделала им ручкой.

– До больницы эту идиотку сами дотащите. За добавкой можете обращаться. Салют!

И развернулась.

О-о-о-опс!

В проулочке, заслоняя мне выход, стояла наша преподавательница домоводства.

– И что это было?

После дружбы с basketболистами меня не напугать ни ростом, ни весом. Так что я мило улыбнулась.

– Расстановка приоритетов.

– Я бы сказала, раскладка. – Преподавательница задумчиво изучила тушку Оливеры. Та не вставала, видимо – сильно наворачнулась. Но дышала, так что выживет. А если стесала нос... будет девушка породы мопс.

– Не одобряете, раэша? – так же светски поинтересовалась я.

– Не одобряю. Врагов лучше добивать.

Подружки-побрякушки побледнели. И Фатима, и Севилла. Кажется, даже квакнуть что-то попытались. Я так же мило улыбнулась в ответ.

– Если бы это был враг – безусловно. Но это просто спесивая дурочка, так что я дала ей шанс. Следующий несчастный случай произойдет или на берегу моря, или в драконарии...

– Советую помнить, что драконы не съедят зараз больше двадцати килограммов мяса. И могут остаться ткань, украшения.

– Не останутся, – заверила я.

– Замечательно. А вы две – что? Взяли это, – преподавательница небрежным жестом показала на тушку эссы Оливеры, – и потащили на своих плечиках в больничку. Я с вами схожу, проконтролирую.

Девчонки побелели, но к Олинде подошли и перевернули ее. Я поняла, почему она не двигалась. Добротная шишка

размером с куриное яйцо на лбу, окровавленный нос, который, кажется, станет курносим, ссадины...

И ведь я ее почти не трогала. Все сама, все законы физики. Инерция там, масса тела, помноженная на скорость, корень квадратный из злости...

И поделом!

– Спасибо, раэша, – поблагодарила я преподавательницу. Я отлично понимала, что за этим стоит.

«Проконтролирую» – чтобы версия девушек не включала злую Каэтану Кордову, которая налетела, запинала, поиздевалась... могли наврать?

Да в любой момент!

Теперь уже не смогут.

Ну и фиг с ними. Мне надо в библиотеку, туда я и отправилась.

За спиной кто-то злобно пыхтел. А вот так вот! Это вам не беззащитную девчонку гонять!

* * *

Библиотекарша смотрела на меня с искренним отвращением. Выглядело очень впечатляюще. Да и сама эсса – тоже.

Да, эсса.

Здесь есть забавная градация, по которой носить золото разрешено только эсам и эссам. Вот те и носят. Остальные обходятся медью и серебром. Видишь на человеке или ко-

лечко, или цепочку, сережки из золота – эс. Или эсса.

На этой золота хватало. И на пальцах, и в ушах. Больше эссе похвастаться было особо нечем.

Средних лет, среднего телосложения, некогда симпатичная, но сейчас стремительно теряющая даже остатки былой красоты, она явно это понимала. И играла доступными ей средствами.

Белейшая блузка. Белая лента в волосах.

Длинная черная юбка. Черная камешка на блузке. Пенсне (в золотой оправе), через которое меня разглядывали, как пятно плесени на потолке. Увы – после нашего тренера мне и смеяться было лень. Тоже мне, Лаврентий Берия нашлась! *Пенсню* надела!

Еще усы отрасти! И трубку возьми.

– Эсса Кордова. Что вам угодно?

– Книги, – решила я.

– Вы в библиотеке. – Тон намекал, что сюда за селедкой и не приходят.

– Правда? А каталог у вас где?

Тетка перекосилась еще больше, но каталог мне указала. Да, именно та самая система, с карточками и алфавитом.

– А тематический?

Тематический каталог тоже нашелся. И я закопалась для начала в мироустройство. Выписала два десятка книг, попросила принести их и принялась пролистывать. Потом попросила периодику.

Пропустила ужин.

Едва не забыла про отбой. То есть забыла – библиотекаряша намекнула, что ее рабочий день тоже конечен. Взяла на дом шесть книг и поплелась в общежитие груженная, как верблюд. В голове царил хаос, который постепенно складывался в систему.

Академии как таковой там не было. То есть плевать, чему нас тут учить будут. Хоть бы и стихосложению или картофелеводству, главное все равно не это.

Главное – драконы.

Каэтана не знала толком, чем занимался ее отец. А вот я начинала подозревать.

Драконы – громадные ящеры. Как люди смогли одолеть их, подчинить, поставить себе на службу? Знаете, сколько гибнет дрессировщиков в тех же цирках? Знаете, сколько травм в зоопарках?

Это Джеральд Даррелл писал о милых зверюшках. А в реальности... покормите вы орешками милую белочку? Кормите, пожалуйста. Но не забывайте, что она вам может простамповать руку тридцать раз за минуту. Кости, может, и не разгрызет, а вот мясо в лохмотья превратит. Нервы, сухожилия...

Дело в том, что драконы разумны. И способны к ментальному общению.

Нет-нет, так прямо это в книгах не значилось. Но если уметь читать, работать с информацией, обрабатывать ее –

понять несложно. Никто не задумывается, но человек двадцать первого века мыслит вдвое-втрое быстрее человека начала двадцатого века. Мы с рождения живем в сплошных потоках информации, и, чтобы не захлебнуться, мы либо учимся извлекать из нее ценные зерна, либо...

Либо мозг захламляется чем попало.

Сколько человек могут перечислить героев сериалов? А сколько – воспроизвести законы Ньютона? То-то и оно, фильтровать надо.

Я фильтровать умела.

Смысл был именно в этом. Ящеры способны к телепатическому общению. Но... не со всеми. И именно из этих самых «не всех» постепенно выковалась аристократия. Эсы и эссы. Но я так поняла, что эту способность обеспечивал рецессивный ген.

А что с ними происходит? Вырождение.

Поэтому эсы старались жениться и выходить замуж исключительно в своих кругах. Вот это и дает академия. Иллюзию выбора.

Здесь парни получают своего дракона, а заодно приглядываются к женам, зная, что только нужный брак обеспечит им полезное потомство с нужными генами.

Возможно.

Наверное.

Проблема в том, что не всегда этот самый рецессивный ген активируется. Да, можно сидеть у клеток с драконами,

можно биться головой об стену, но нет гена – нет взаимодействия. И такое случается, потому что часть наследников... ну, тут как в анекдоте. Я делаю графской жене графьев, а он моей – пекарей.

Не все эсы способны взаимодействовать с драконами. И в то же время есть простонародье, которое на это способно. И упускать их глупо.

Для таких выделяются квоты, стипендии, но считаются они – второй сорт. И дальше по поговорке: второй сорт – не брак. Сойдет и так.

Не для брака то есть.

А чтобы не возникало коллизий... ребят из простонародья готовят отдельно. И муштруют намного жестче, и, разумеется, женщин среди них нет. Просто нет. Здесь общество достаточно регламентированное, место женщины – в семье и на кухне, а такие, как наша преподавательница домоводства, – это исключение. Таких единицы.

Конечно, дорожки пересекаются. И конечно, мальчишки друг друга задирают. Но эсы в это не вникают.

В общем-то, логично.

Сословное общество, дело женщины – удачно выйти замуж. Может ли считаться удачным брак с бывшим пекарем? Или вообще нищим? У которого ни поместья, ни денег, ни связей... только умение летать на драконе? Фактически эти ребята – пушечное мясо. Но дорогое, потому как драконов ограниченное число. А морских тварей много, и они голод-

ные.

Вспомнилась Энн Маккефри с ее вейрами.

Да, пожалуй. Сходство есть, но система тут другая. И холдов нет, есть государства. И драконы принадлежат лишь одному из них, и по стране отборы... Ладно, я так поняла, что шансы у ребят из других стран есть. Но не слишком серьезные⁷.

В комнате я почти упала на кровать и уставилась в потолок.

Способны ли эсы из других королевств взаимодействовать с драконами или только местные? Как драконы, которые, вот хоть тресни, выводят детенышей только здесь? Не вызревают их яйца нигде. Вообще нигде, ни в одном другом месте! Хоть ты их золотом обложи!

Это неудивительно. В инкубаторе знаете сколько условий? Температура, влажность, да много чего разного и неприятного. Нарушишь – цыплята подохнут.

Те же кистеперые рыбы живут только в одном месте планеты. В других – никак. Условия не подходят.

А с местными людьми что?

Может, в результате проживания именно в этой местности у них сформировалось что-то такое? Как зоб или складка на веке? Или неустойчивость к алкоголю? Или полидактилия?

Какая-то особенность, которую можно установить только сравнительным вскрытием?

⁷ Энн Маккефри, «Драконы Перна».

Я потянулась за картой. Если суммировать то, что я прочитала, логично предположить, что сначала драконы достаются своим, а чужим – по остаточному принципу.

Более того, у местных аристократов есть три года, чтобы наладить нужные связи, получить своего дракона, найти супругу. У местных раэнов есть только год. Если за год они не привяжут к себе дракона, они отправятся на улицу. Если привяжут – их начинают натаскивать на боевые вылеты.

Дальше все уже зависит от парней и драконов.

Или их сожрут, или их не сожрут. Могут дослужиться до высоких чинов, могут не дослужиться. Дело военное, дело житейское. Кстати, дворянство они получают. Но личное и безземельное. Эсы, но второго сорта. Могут пристроиться зятьями в богатую семью, а могут погибнуть. Могут жить на пенсию от государства. Минус – их дети уже дворянства не получают. Они тоже второго сорта. Да и не так их много. И драконов немного, и вот таких ребят, и гибнут они чаще, чем благородные. Это как у нас, есть президентские войска, а есть спецназ. Где больше процент потерь?

То-то и оно...

А вот в чем я должна найти равновесие?

Между Равеном и остальными королевствами?

Между Наресом и другими континентами?

Я обдумала этот вопрос, но потом покачала головой. Нет, так добра не будет. Драконы – это ядерен батон. Но это разумный батон. Воевать друг с другом не будет, но... человек же

тварь такая! Что будет, если у наездника отобрать дракона?

Если у дракона отобрать наездника?

Кто и как это воспримет?

Есть ли у драконов пара – или они размножаются, как кошаки по весне? Потому что шантаж был, есть и будет отличным методом воздействия. Шантаж жизнями родных и близких, привязанностями, ошибками – да чем угодно!

Надо подробнее узнать о природе связи между человеком и драконом.

Кстати! А всадницы встречались? Или у драконов летают и сражаются только мужчины? И у людей тоже? Допустим, у людей рецессивный ген как-то связан с игрек-хромосомой и передается только парням. А у драконов?

Не знаю. Надо копать и искать. Легко сказать – равновесие! Найти его гораздо сложнее.

И неплохо бы на ночь подумать о жизни. Кстати говоря...

Я вооружилась шваброй и ею же осторожно открыла дверь в санузел. Нет реакции.

Проверила пол, потолок, пространство перед собой, огляделась – все чисто. Не стоит обольщаться, это сегодня, пока Олинда в лазарете, а ее подруги заняты отработками. Потом мне будет намного веселее. Или им будет намного тяжелее.

Или... посмотрим! Если я в спортзале с пожарным инспектором общий язык нашла, неужели я тут трех дурочек не укрошу?

Мне будет очень стыдно.

А пока – в душ и баиньки.

Отключилась я мгновенно, стоило только головой подушки коснуться.

* * *

Истошный вой будильника выдернул меня из дремы, заставил подскочить и вцепиться в подушку судорожно искривленными пальцами.

Твою ж так!

Каждый день я этого не выдержу. Срочно в душ и на зарядку.

Повезло – душ был свободен, так что я рысью пронеслась через две кабинки – и вылетела в свою комнату. Эх, хочу ванную!

Джакузи!

С пеной, с аромамаслами, с удобной подушечкой под голову. И лежать... и еще музыку для релакса. И хотеть я этого буду долго. А еще душ Шарко и массаж.

А правда, есть ли здесь подобные комплексы? Нет, не бордели, а именно как в салонах красоты? Чтобы куча процедур и обязательно такой отдых? Надо узнать.

Если мне жить в этом мире, надо найти возможность в нем и зарабатывать. А заодно почитать законы. Что я могу, чего я не могу...

У Каэтаны в голове была одна программа. Выйти замуж –

нарожать детей – помереть.

За кого? Папа укажет! Сколько рожать? Муж скажет. А помереть? С этим тоже найдется кому помочь. Уже нашлось.

У меня были другие планы на жизнь.

Однозначно, сегодня опять библиотека.

* * *

Первые два занятия прошли спокойно. Проблемы начались за обедом. Стоишь ты на раздаче, никого не трогаешь... знаете подлый приемчик? Коленом под колено?

Так и уронить можно, особенно если на опорную ногу надавить. Меня уронить не получилось, но – какова наглость? Я обернулась и чуть не нос к носу оказалась с Яриной Лонго.

– Осторожнее.

– Ты что, Кордова, уже на людей кидаешься? Я стою, тебя не трогаю...

Ага. Это мне тоже знакомо. Я ни при чем, а ты чего на меня? Что она сделала – никто не видел. Что я отвечу – узнают все. Я тут же перестроилась и расплылась в идиотской улыбке.

– Что ты, Лонго! Я думала, ты сейчас упадешь, ты ж на меня почти легла. С матрасом перепутала?

– Я? На тебя? Да до тебя щипцами не дотронешься! Ходишь в обтрепках!

Я мгновенно скорчила обиженную рожицу.

– Лонго... я понимаю, что моя семья беднее... и на роскошные наряды у нас денег нет... с твоей стороны жестоко мне напоминать об этом!

Ярина захлопала глазами. Но сориентировалась быстро.

– Ты бредишь, что ли, Кордова? Какое мне дело до твоей семейки?

– Вот и я думаю, что никакого, – тут же согласилась я.

Инцидент исчерпан, скандала не получилось, а что спиной к девицам лучше не поворачиваться, я и так знаю. И выгляжу я привычно – как больная мышь. И волосы собрала, и очень жалею, что косметики нет. Сейчас бы еще выразительнее получилось! Если бы тени под глазами, тени над глазами – грамотный грим чудеса творит!

Вечером я снова отправилась в библиотеку. Сейчас я уже знала, что искать, и стало сложнее. Не нашлось этой информации в свободном доступе. Вообще.

Странно еще, что остальное было. Или нормально? Такие вещи не скроешь, это нереально. А вот откуда можно узнать механизм связи с драконами?

Надо полагать, данные есть. Но где? Расспрашивать людей? Я бы не рискнула. Это мгновенно привлечет внимание, вызовет встречные вопросы...

Копаться дальше в библиотеке? Безусловно! Но это полумеры.

А если... если попробовать подойти с другой стороны?

Я нагрузилась книжками и решительно направилась к схе-

ме академии.

Вот теперь я лучше понимала остальные обозначения.

И понимала, что вот это явно общежитие для раэнов – отделено от нас парком с домиками преподавателей. Вот это явно их тренировочное поле, а вот отдельной больницы не сделали. Поэтому наша такая большая. Надо полагать, лечат эсов и раэнов в разных крыльях или на разных этажах – чтобы не передрались и не переругались. Может, туда заглянуть?

А кто меня туда пустит? На отработку – это на кухню. Нет, так дело не пойдет. Ничего, у меня три года впереди. Это мало, но я что-нибудь придумаю. А для начала... у нас послезавтра выходной?

Надо помириться с соседками по комнате. А то в туалет нормально не сходишь.

* * *

Выходной день!

Красота!

Все, у кого есть время и деньги, идут на ярмарку.

Да-да, вот так! Академия стоит на побережье, но города рядом с ней нет. Невыгодно. Именно это побережье усеяно рифами и мелями, почва здесь каменистая и скальная, так что и не причалишь нормально, и ничего не вырастишь. Зато для тренировок – раздолье. Драконы летают, как те «ку-

курузники», по сорок раз на день.

И опять же...

Здесь к морю примыкает Драконий хребет. А драконы – они характерные. И во время беременности им нужен покой. Им только города под лапой не хватало!

Обычная-то женщина в это время мечтает разнести все вдребезги и пополам!

А если в женщине несколько тонн? А еще она бронированная и с когтями? Плотоядная и может дышать огнем? Вы все еще мечтаете оказаться с ней рядом?

Так что городка рядом с академией не возникло. До ближайшего поселения – часов восемь пути.

Но!

Есть ученики. И у них есть деньги! И эти деньги хочется потратить! Что делать?

Правильно, ярмарку.

Отвести для этого важного дела площадку неподалеку от академии и устраивать там каждые десять дней мини-базар.

С утра девятого дня купцы выезжают из городов и сел, спокойно за сутки добираются и устраиваются, с рассвета торгуют всем – от пирожных до платьев, а потом, после полудня, отправляются домой. В полдень ярмарка закрывается – и все свободны, всем спасибо.

Это тоже связано с драконами.

Ящеры вполне себе разумны и просто так не атакуют. Но... если над вами проносится тушка метров тридцати-со-

рока в длину, вы будете думать о ее разумности? Лошади, ослы, мулы – не будут. А драконы, опять же, не могут сутки сидеть на месте. До полудня еще ничего...

Может, изобрести здесь велосипед? Ему драконы параллельны...

Ага, если бы я еще помнила, как эта пакость ездит. Два колеса, педали, цепь с зубчиками, но собрать это? Не-не-не, без меня.

Велосипед отменяется.

В день ярмарки я встала заранее. И дверь в общую душевую открывала осторожно, чтобы не нарваться. Соседки были весьма злы. И отработки, и трепка... только вот будет ли урок впрок? Или они добавки попросят?

Проверять не хотелось. Я сделала все дела и устроилась у окна, ждать будильника. А когда он протрубил, накинула плащ и вышла из комнаты.

Очень удачно, кстати.

Плащ у Каэтаны был простой, из серой шерсти, теплый и уютный. С глубоким капюшоном, из-под которого ничего не было видно. Но на всякий случай я распустила волосы и выпустила пару прядей на волю. Каэтана локоны стягивала в гульку, так что... авось не сопоставят. А с утра еще темно-вато и прохладно...

Сойдет.

Никто не поймет и не прицепится.

Вот и эс Лиез во дворе, сестру сопровождает. Нет, не

узнал. Скользнул взглядом, но в общей толпе я была самым неприметным элементом. Снять капюшон и назвать имя пришлось только на воротах. Сторож сверился со списком наказанных и кивнул головой.

– Кордова? Таких в списке нет, проходите.

Я и прошла.

* * *

Как я поняла из памяти Каэтаны, на ярмарке она не была ни разу. И денег не было, и страшно. Папаша постарался, вырастил рака-отшельника. Актиний ему за это в... ладно! Не будем ругаться, мне некогда. У меня есть целый список того, что нужно.

И для начала – меняла.

Банковская система здесь есть, только в зародышевом состоянии. И расписки принимаются.

Палатку, над которой развевался флажок с изображением монет, я выцепила взглядом мгновенно. Туда и отправилась. Успела первой.

Меняла, осанистый раэн лет пятидесяти, с короткой черной бородкой и маслянистыми глазками, посмотрел на листок в моей руке.

– Хм... эсса, у меня столько денег нет.

– Нет семи тысяч солеев? Позвольте вам не поверить? – удивилась я.

– Эсса, подумайте сами, мне бы сюда телегу пригонять пришлось, – вздохнул меняла. – Золото, серебро, медь... может, согласитесь погасить расписку частями?

Я прищурилась.

– По курсу?

– Пять процентов мои. Две тысячи солеев я вам выдам, остальное распиской.

– Два процента. И вы мне выдаете пятьсот золотом и еще пятьсот серебром и медью пополам, – подсчитала я.

Меняла скривился.

– Эсса...

– Торговаться не буду. Это и без того для вас выгодно, – предупредила я.

Вообще-то особенности местной конвертации я не знала, но чтобы эти барыги себе в ущерб работали? Ха! Смело дели любое предложение вдвое и торгуйся до половины.

– Вы меня грабите, эсса.

– Неужели? – усомнилась я. – А если проверим? Я эту расписку и в академии могу обналечить, но вы останетесь без заработка.

– Три с половиной процента.

– Два с половиной. И по рукам.

Сторговались быстро. И я покосилась на сумку.

Вот считаем. В среднем один золотой весит около восьми граммов. Серебряная монета – четыре грамма. Медная – около двух граммов. Получается около семи килограммов веса.

Холщовая тряпка, которую я нашла у Каэтаны, не выдержит даже медяков. По швам разойдется.

Меняла покачал головой.

– Эсса, вот ваша расписка на пять тысяч восемьсот двадцать солеев.

– И? – насторожилась я сумме.

– А вот это вам. Практически в подарок.

Протянутая мне сумка этих пяти солеев стоила. Определенно.

Квадратная, черная, кожаная, с хорошо прошитыми уголками, она напомнила мне любимый шоппер.

Более того...

– Здесь в дне, смотрите, эсса...

Плотно прошитая сумка держала форму не просто так. Если кто-то ее прорежет... может резать и дальше. Потому что внутри, на дно, была вставлена коробочка из тонкой жести. По объему – до половины сумки. Не слишком удобно, но в нее прекрасно можно сложить мешочки с монетами. И видно не будет, и не повытаскивают так уж просто... кожа толстая, свиная, а дальше-то жестяная стенка.

Вес?

Ну... Вес – отдельный вопрос. Но кто мне мешает отнести ббольшую часть суммы в академию и вернуться опять на ярмарку?

Да никто.

Эх-х-х... кстати! А колесо тут знают! Почему бы и не?..

– Раэн, я благодарна вам за сумку. Но хочу заметить, что носить ее тяжело. Скажите, а можете вы заказать сумку персонально для меня?

– Эсса?

– Я оплачу работу мастера.

Я достала из холщового серого безобразия тетрадку, грифель – и в несколько движений изобразила то, что известно всем женщинам России.

Сумку на колесиках.

Нет, не чемодан, а самую обычную сумку на винтах.

Ручка регулируется по длине в два стопора. Рамка. На ней сумка. Колесики на раме. Хочешь – мешок картошки перевози, хочешь – сумку набивай. Вроде и не слишком оригинальная идея, но кажется, здесь такого нет?

Хм... судя по вспыхнувшим глазам торговца – нет.

– Эсса... это интересная идея.

– Раэн... как я могу к вам обращаться?

– Раэн Лутаро Мбра. Эсса?

– Кордова. Каэтана Кордова, к вашим услугам.

– К вашим услугам, эсса.

– Раэн, это не единственная моя идея.

Темные глазки вспыхнули еще ярче.

– И как вы намерены распорядиться идеями, эсса?

– Я думаю, ими мог бы пока распоряжаться мой представитель, – вежливо намекнула я. – За пять процентов чистой прибыли. Заключая договора, следя за их исполнением...

Как вы понимаете, я – эсса, то есть сильно ограничена в своих действиях. А моей семье мои идеи и подавно не интересны. Но если на них можно сделать деньги... вы меня понимаете?

Патентов тут пока еще не было. Но гильдии были. И мастера. И за соблюдением своих интересов они следили строго.

– Двадцать процентов от чистой прибыли, эсса, и вы не найдете лучшего представителя.

Я подумала.

Двадцать процентов пока было от сотрясения воздуха. Но не поторговаться?

– Раэн, предлагаю вам – для начала – пятнадцать процентов. А когда наша прибыль перейдет порог... скажем, десяти тысяч солеев в год, увеличим вашу долю до двадцати процентов. Согласны?

– По рукам, эсса. Составим договор?

Я кивнула.

Перед палаткой вытянулась приличная очередь. Человек двадцать. Но нам было не до того. Мы закладывали фундамент будущего благосостояния.

А что?

Если невесть сколько веков сумочка была обычным мешочком? Который тупо украшали цветами и кружевами? А я могу многое предложить. Те же портфели для бумаг.

Те же рюкзаки, в том числе и военные, и альпинистские,

и охотничьи... это все разные виды рюкзаков, если что. Да тут поле непаханое!

Раэн это тоже понял. Даже на нарисованной мной раме уже можно сделать состояние! А если еще сумки туда добавить!

Вы сами пробовали ходить на рынок с корзиной? Корявой, неудобной, которая висит у вас на локте? А груз в нее складывать? А таскать за собой?

Рехнешься!

А тут – радость! И главное, делается-то легко! В любой кузнице за полчаса вам такую раму склепают. Устройство стопора вызвало чуть больше удивления, но идею раэн ухватил за пару минут. Как говорится – берем!

Заверните три штуки!

И сами сумки можно делать разные! И за собой эту конструкцию тащить, и перед собой толкать... такое в каждый дом понадобится.

– Эсса, я приеду на следующую ярмарку, – пообещал мне раэн Мора. – Вы придете?

– Раэн, а вы успеете?

Меняла задумался.

Пока до столицы, пока там, пока из столицы...

– Может, через одну или две ярмарки. Вы правы, эсса. Вы будете приходить?

– Если не получу наказание. – Я развела руками. – Я постараюсь. Или вы найдете меня, как сможете приехать.

– Если вы не придете, я буду ждать вас у ворот академии в полдень, эсса. Как только смогу приехать на ярмарку.

– А...

– Если вы наказаны, вас просто не пустят развлекаться. Но поговорить вы можете. Я скажу, что привез для вас письмо и передам его только вам в руки.

Я кивнула и улыбнулась.

– Договорились, раэн.

– Договорились, эсса.

Забывшись, меняла плюнул на ладонь и протянул мне руку. Ровно через две секунды спохватился, что не то делает, но было поздно. Я поступила так же – и наши пальцы сплелись.

– По рукам, раэн.

Деньги сближают, объединяют и помогают найти общий язык. Я это точно знаю.

* * *

Второй раз на ярмарку я вернулась с сотней золотых, сотней серебра и сотней меди. И начала «от яйца».

Платья я менять пока не буду. Мне нужно только одно платье, в котором я буду похожа на человека. На всякий случай. Но это пока потерпит. А вот приличное белье – обязательно. И обувь.

И письменные принадлежности. И...

Обязательно посетить небольшую походную кузницу.

Мне нужно кое-что для самозащиты.

Получив мой заказ, кузнец почесал в затылке, но пообещал сделать нужные вещи к полудню. Да там и не слишком сложно было.

В сумку последовательно укладывались: тапочки типа чуни войлочные, теплые носки – несколько пар, шерстяные гетры, две фуфайки с начесом, легкие туфельки, башмачки и сапожки. Потом я совершила визит в кузницу, где кузнец, не сильно удивившись, поставил мне подковки на каблочки сапог и ботинок, а заодно вложил в носы утяжелители. Недаром же я взяла обувь на пару размеров побольше, чтобы место было. Ножка, кстати, у Каэтаны была вполне аристократическая. Я бы сказала – не больше тридцать седьмого размера.

Потом – лавка готового платья. С бельем разобраться было проще. Шелк и только шелк. Нижние рубашки, ночные рубашки, пеньюары, чулки, панталоны, подвязки – дамский конфекцион тут был на уровне девятнадцатого века. Хорошо еще – без корсетов.

Платье я не покупала. Пока походим серой мышью, хоть и противно. Платье нужно. Хотя бы одно, но в лавке пока ничего подходящего не было. Заказывать – дорого и долго, а покупать абы что и делать из себя еще большее чучело? Увольте!

Вот средства гигиены я прикупила на красный день ка-

лендаря. Подушечки, набитые мхом, и специальный пояс. И больше ничего.

Книжная лавка.

Запас тетрадей. Грифели разных цветов, чернила, несколько книг. Не удержалась. Сборники законов: законы Равена, Санторина, Алиры. Все, какие были.

Сказки и легенды.

Местные Книги Духа. Книга Сантора. Книга Даннары. Остальные трое богов мне не знакомы. Ничего, познакомимся. И молитвенники тоже заверните.

Две дюжины листов гербовой бумаги для сделок. Специальной, опечатанной.

Минус два десятка золотых в итоге. Не день, а разорение. А еще мне предстоит визит в продуктовую лавку. И за косметикой.

Украшения?

Лучшее мое украшение – молодость. И как же приятно быть снова молодой! Заглядывать в зеркало и не видеть там морщин, не видеть кругов под глазами, не чувствовать усталости даже по утрам.

Ладно-ладно, в мои тридцать пять я могла заткнуть за пояс многих двадцатилетних. Но это давалось мне трудом и умом. А здесь и сейчас есть все. И еще долго будет, если я не запущу себя.

Кстати – средства для ухода за волосами тоже надо.

А вот шпильки для волос с цветами – нет. Только обыч-

ные невидимки. И шали не нужны. И... ладно! Парочку дайте. Вот эту, голубую, теплую. И вот ту, газовую, с вышивкой цветами.

Уф-ф-ф-ф!

Тяжкое дело – ходить по магазинам.

И это я еще продуктовые лавки не обошла. Хватит с меня столовской кормежки, даешь заначки!

* * *

В академию я вернулась только к полудню. Сама нагрузилась как верблюды, и трое посыльных, которые тащились за мной, были нагружены не хуже. Денег в сумке осталось на доньшке. Но все ведь нужно! Это все должен был для Каэ купить отец. Он не сделал? Так я восполняю. Это не роскошь, это житейская необходимость. И не говорите мне, что пирожные к ней не относятся! Еще как!

Здесь даже какао-бобы есть! Только местные пока не знают, что с ними делать, и просто жуют для бодрости.

И зерна кофе! И его умеют здесь варить. Правда, в Санторине в основном. В Равене он не слишком популярен. Я взяла себе мешочек. И крохотную турку. И небольшую жаровню. И запас пряностей.

Ладно-ладно, с пряностями я немного переборщила. Но очень хотелось.

А еще запас «на голодный день». Растущий организм Каэ

этаны требовал еды. Нормальной. А не столовской, которую получал последние несколько месяцев. Дома Каэ могла хоть на кухню заглянуть, и повариха, втайне от папаши и гувернантки, вручала девушке ломоть хлеба, щедро смазанный маслом и посыпанный сахаром. Здесь же...

Что не пропадет в комнатных условиях?

Галеты. Сухофрукты. Сок и варенье. Так что...

На воротах оглядели мои запасы, махнули рукой, да и пропустили. Народ тянулся в академию, и тщательно досматривать меня ни у кого времени не было. На что я и рассчитывала.

И для начала распишем все покупки и навестим невинно пострадавшую вахтершу.

Интерлюдия

1

Раэша Ония сидела в своей комнате и злилась. И причины у нее были.

Но кто ж знал?

Кордова точно не знала, у нее бы ума не хватило! И эти мелкие поганки не знали! Но результат все равно плачевный! Кожа на лице шелушится, волосы пришлось окрасить в черный цвет, а он ей категорически не идет, и настроение отвратительное, и чернила еще видны, и на ярмарку не сходишь...

Стук в дверь женщина восприняла как личное оскорбление.

Вот сейчас она всех тут... Линда встала с кровати с намерением разнести всех вдребезги и пополам. Но стоило открыть дверь – и гневные мысли попадали от удивления. Какое тут ругаться?

На пороге стояла Каэтана Кордова.

И смотрела очень смущенно.

– Раэша Ония, я прошу прощения за беспокойство...

Раэша едва сама не упала. Вслед за мыслями. Чтобы эсса? Извинялась?! Там небо на землю не упало заодно? Может, стоит проверить?

Но Каэтана выглядела искренне смущенной.

– Раэша, я прошу у вас прощения. Я не знала, что задумали эти балбески, мои соседки. Но вы-то и вовсе ни за что пострадали. Пожалуйста, не держите на меня зла?

И в руки раэши лег увесистый сверток, от которого так запахло пирожными, что у женщины аж слюна потекла.

– А... э...

– Еще раз прошу у вас прощения, раэша. – Каэтана слегка поклонилась, развернулась и ушла. А раэша осталась стоять дура душой.

Чего уж там!

Всякое за последние годы с ней бывало! И подкупить ее пытались, и запугать, и надавить, и подольститься... а вот извиняться никто не приходил. Ни разу. Эссы по умолчанию считали, что они всегда правы. Приходилось разубеждать.

Так что сегодня раэша получила новый опыт.

А заодно корзиночку с удивительно вкусными пирожными. Дорогими и вкусными. И банку крема для лица. Тоже безумно дорогого. Не меньше пары золотых стоит такой.

Настроение у раэши как-то и улучшилось. И под вечер она решила, что не держит на Каэтану зла. Бывает... не она же те чернила подливала? Вот, сразу ясно, что девочка не виновата, девочка хорошая, уважительная... надо бы за ней приглядеть. Мало ли что?

Обязательно надо приглядеть, мало ли что другие мерзавки придумают! А тут и раэша Ония подоспел. И плохим бу-

дет наказание, а хорошим награда. Все по книге Даннары. Там еще пирожные остались?

2

Фатима Ломбардо не слишком удивилась, когда в дверь постучались. Не в ту, которая со стороны коридора, нет. Ее вызывали в душевую.

Что ж. Это неудивительно, секретничать они с Олиндой предпочитали именно там. И Севилла к ним частенько присоединялась.

Каэтана – нет. Кому может быть интересна эта серая мышь?

Они вот отработают на кухне, а потом с ней как следует разберутся. Пока сил нет... и времени. Ничего, было бы желание!

Нос Фатимы уловил чарующий запах.

Корица, ваниль... пахло пирожными. Да не абы какими! Дорогими; кажется, она даже кондитерскую знала. Раэши Баум... бешеные цены, но так вкусно! Еще и привозит она пирожные не каждый выходной. И раскупают их мгновенно... практически!

Желудок жалобно квакнул, намекая, что такие радости ему не часто предлагают. Может, хозяйка, приглядимся?

Фатима и пригляделась. И даже рот открыла.

На полу душевой были уложены четыре подушки – и

небольшой коврик по центру. А на коврике ваза с фруктами, коробка с пирожными и бутылка вина. На одной из подушек сидит... да! Это Каэтана!

Только вот сейчас ее серой мышью не назовешь.

Глаза большие, губы яркие... у нее и грудь есть? Правда, что ли? И туника цвета палой листвы ей жутко идет... да что тут происходит?

Фатима озвучила этот вопрос вслух, но и Олинда, и Севилла были с ней полностью солидарны.

– Присаживайтесь, девочки, – повела рукой Каэтана. – Убить вы меня всегда успеете, а вот пирожные пропадут. И вино вроде неплохое. Взяла сладкое, ваших вкусов я не знаю.

Севилла сделала шаг вперед, пригляделась.

– «Драконья заря»? Кордова, ты кого ограбила?

– Она подставить нас хочет? – мрачно поинтересовалась Олинда.

Каэтана демонстративно подняла бутылку, вытащила пробку и налила себе в бокал. Выпила и облизнулась.

– Не зря за него такие деньги просили. Ну что – зовите вахтершу? Вы все трезвые, я пьяная, сейчас мне и нагорит. Но пирожные нам не вернут.

Этот аргумент оказался решающим для сладкоежки Севиллы. Девушка сделала шаг, опустилась на подушку, подцепила пирожное и отправила в рот. Прожевала...

– Язык откусишь...

– Кондитерская раэши Баум. Мне ее очень рекомендова-

ли.

– Хм... а все-таки? – Фатима тоже опустилась на подушку и принялась разливать вино. – А что тут происходит? Кордова, ты на себя не похожа.

Каэтана развела руками.

– Девочки, я бы не открылась. Но боюсь, если наш конфликт станет развиваться дальше, будут пострадавшие.

– Уже есть, – огрызнулась Олинда.

Разбитый нос ей вылечили. И колени, и локти, и шишку. Но на занятия пока не допустили, и ходила она по академии в маске. И примочки делала.

Так что... ее обиду пирожные точно не покрывали.

Кордова опять развела руками.

– Мне тоже не хотелось чернила отчищать. Со всей меня. И раздражение пошло бы, они ж едкие, кожа слезет, волосы от них клочьями выпадают... Я честно терпела насмешки, но это уже перебор.

Олинда скривилась. Но... что есть – то есть. Едкие. Вахтерша до сих пор болеет.

– Ты сама...

– Я понимаю, я выглядела странно, – вздохнула Каэтана. – И буду выглядеть. Завтра вот этого уже не будет. – Она обвела свое лицо. – Дело в том, девочки, что я не хочу замуж.

Ответом ей были три недоверчивых взгляда.

Каэтана качнула головой.

– Вы меня неправильно поняли. Я не хочу замуж за тех,

кто с нами учится. У меня есть любимый мужчина.

Фатима понимающе кивнула.

– Эс?

– Раэн.

– Раэн? – с непередаваемым высокомерием поинтересовалась Олинда.

Каэ опустила глаза.

– Девочки, вы же знаете, что раэны тоже могут получить драконов?

Девочки знали. Могут. Особенно если...

– Да. Мой любимый мужчина – бастард. В этом году отец очень резко направил меня сюда, в академию. Мы просто не успели... он не успел попробовать поступить. Приедет на следующий год. А пока мне надо было, чтобы никто мной не заинтересовался. Переиграла, наверное...

Девушки переглянулись.

Ситуация была точь-в-точь как в их любимых романах. Копия! И влюбленные, и жестокие родители... А поскольку жизнь девушки процентов на восемьдесят и знали по романам, они легко поверили. Не задав кучу вопросов, которые придут в голову людям поумнее.

– А как его зовут? – недоверчиво поинтересовалась Олинда.

Каэтана качнула головой.

– Не скажу. Простите... он самый лучший! Самый-самый! Вот он приедет на следующий год, и мы увидимся! Я вас да-

же познакомлю! Но пока помолчу. Мало ли?

И сделала жест от сглаза.

Севилла подхватила бутылку.

– Девочки... за знакомство?

Вино было удивительно вкусным. Терпкое, сладкое, взрывающееся на языке насыщенным ягодным вкусом.

– Кордова, ты его как пронесла-то? На воротах всех обыскивают!

– Я и не проносила. Я провезла, – ухмыльнулась чуточку опьяневшая Каэтана. И небрежным жестом выудила из-за спины еще одну бутылку... а, нет!

– Гранатовый сок?

– Конечно. Я целый ящик купила, будете?

От сока тоже никто не отказался. А через три часа, наполненные откровениями о мужчинах, вином, пирожными и конфетами, девушки решили, что соседка в принципе не такая и плохая. А что дуру изображала...

Любовь – такая штука! Некоторым и изображать не требуется!

3

Раэн Лутаро Мора любил ярмарки.

Честно говоря, натура у него была такая...

«Бродяга ты старый, – ворчала привычно жена. – Уж внуки пошли, а ты никак не остепенишься!»

Но разн и не собирался остепеняться, сидеть на одном месте и отращивать чугунный зад.

Это скучно.

Скуч-но!

И сколько людей ты увидишь, сидя на месте?

Кто-то может возразить – через лавку менялы в день могут пройти и сто человек. Так, да не так... Все от города зависит. И не всегда у людей есть время поговорить, а ведь это-то и есть самое вкусное.

Не деньги!

Люди!

Раэн Лутаро живо и искренне интересовался людьми. Что ими движет, почему они совершают те или иные поступки, чего они хотят, о чем думают...

Деньги? А деньги хорошо обнажают самую суть человека. Маски срывают.

Но сидя на одном месте, на людей не нагладишься. Вот и приходится то сюда, то туда, то еще куда мотаться, интересно же...

И когда в лавку шагнула юная эсса, раэн даже не слишком заинтересовался. Сначала.

Много таких.

Жизнь их пережевывает и сплевывает. И проходит мимо. Эти девчухи еще более беспомощны, чем нищие в придорожной канаве. В чем-то нищим даже проще.

Нищий не сам выбирает свою жизнь. Но идти направо или

налево, двигаться или сдохнуть, работать или воровать... у него есть хоть какой-то выбор. А вот у эссы выбора нет.

Ее жизнь предрешена от рождения до смерти. Учеба, замужество, дети, дом, внуки, могила. И все.

Одни бунтуют, другие смиряются, третьи пытаются извлечь для себя какую-то выгоду... рано или поздно они все гаснут. Умирает внутренний огонь, и эсса смотрит на мир пустыми глазами, не понимая, в чем разница между жизнью и смертью. Ее жизнь уже не изменится. Разве что цвет платья, фасон шляпки... иным этого достаточно. Но то вообще пустышки. Их раэн Лутаро не считал.

Дурочки. Канарейки.

Впрочем, и такие должны быть, верно же?

Эта эсса была необычной. В чем?

Раэн Лутаро даже не смог бы сразу ответить. Не так смотрела? Двигалась? Говорила? Пожалуй, все сразу. И отличие он смог сформулировать достаточно быстро.

Каждую эссу с рождения приучают, что муж – это ее солнце, а раэны и раэши – пыль под ногами. Так они себя и ведут... за определенными исключениями. Есть эссы, которые ищут приключений, есть эссы, которые боятся даже своей тени, но таких эсс, как Каэтана Кордова, он еще не встречал.

Эсса Каэтана смотрела на него как на равного.

Не низшего, не высшего, вообще не выстраивая иерархию. Просто как на равного. Не презирая, не уважая, не отрицая никакой возможности. На равного.

Но достаточно равнодушно и спокойно.

Не он?

Найдется кто-то другой.

Он? Что ж, посмотрим...

Раэн Лутаро попробовал сделать первый шаг – и не прогадал. Странная эсса не сходя с места предложила интереснейшую идею. И даже сама не поняла перспективы.

Такая сумка понадобится если не в каждой семье, то в каждой второй – точно. Кухарки, домохозяйки, да всех не перечислить. Тачки-то давно знали, ручные тележки, носильщиков нанимали – не то! В такой сумке и не видно, что человек везет, и украсть из нее что-то сложнее, и тащить ее легче – пара полос, пара колес...

И раэн решил посмотреть, что получится дальше. Любопытно же!

* * *

Заявка на изобретение?

Это не так сложно. Изобрел человек что-то полезное и нужное в хозяйстве. Рисует он изобретение на листочке специальной гербовой бумаги (на ней же расписки пишутся и чеки выписываются), рядом пишет описание, область применения – и относит в соответствующую гильдию.

К примеру, чапельник надо нести кузнецам.

А гульфик нового (не на пуговицах) фасона – портным.

Там твоё изобретение регистрируют. Но это ещё не все.

Мир должен узнать о его существовании, а для этого... да-да, снова деньги, и без денег никуда. Либо твоё изобретение ждёт мецената и благотворителя (не безвозмездно), либо ты сам делаешь взнос в гильдию, либо ждёшь, пока его оплатят из средств гильдии, а это очередь на годы, либо...

Ну, бывает и так, что приносят нечто гениальное. На которое посмотрел человек – и сразу ахнул. И гильдия ахнула.

Хочу!

Дайте, и сразу две штуки!

А что, и такое тоже случается, только очень редко. Раэн Лутаро Мора и не помнил, когда такое было. С этой сумкой... нет, пожалуй, так не будет.

Но для начала надо подать заявку. Благо до столицы два дня верхом. В карете, конечно, больше. В дилижансе ещё дольше, так что Лутаро выбрал промежуточный вариант. Почтовую карету.

Жена даже не ворчала – привыкла.

Четыре дня в почтовой карете дались Лутаро не слишком легко. Ещё и соседи в этот раз попались... Ладно ещё пожилая дама. Но мамаша с ребенком! Которого постоянно тошнило! Жуть жуткая!

Впрочем, вечера на постоялом дворе раэн Лутаро потратил не на отдых. Он описал изобретение эссе и даже нарисовал его как смог. Получилось неплохо.

И даже затяжка... вот за что гильдия кузнецов ухватится!

Это уж точно!

Это ж и на штаны, и на пояса, и везде пойдет... дырочки, в них веревка продета, а два конца веревки пропускаются через хитроумную штучку. Не узел завязывать, просто потянуть... очень удобно! Сжал застежку, затянул шнуры, отпустил застежку. Красота!⁸

В столице раэн Мора тоже не стал терять время даром. Вместо этого он поехал (езде блат...) к старому знакомому, который предпочел жить в столице. Сам Мора этого не понимал: шум, гам, конкуренция, аристократия... брр! Перспективы?

Да в болоте с крокодилами их больше будет!

Сожрут же!

Но знакомому нравилось, и раэн Мора не собирался его отговаривать или навязывать свое видение мира. Ни к чему.

Так что прямо с почтового двора к нему и направился.

Раэн Теодоро Эрнандес, как и ожидалось, был на работе, но гостя приняла его супруга, раэша Кристи. Устроила, накормила, раэна Лутаро она знала, так что пусть ждет мужа.

Ждать пришлось долго.

Эрнандес прибыл уже затемно, но для друга время нашел. И ожидаемо заинтересовался.

– Изобретение? И чтобы ты решил вложиться? Лутаро, ты

⁸ Да-да, Зоя не стала придумывать что-то серьезное и перерисовала обычную стяжку для рюкзаков. Делается хоть из чего, хоть пластик, хоть металл, выглядит симпатично, любой мастер с ней справится. Зоя бы фастекс нарисовала, но с ним сложнее. С зажимом проще. Сколько у нее таких перебивало!..

с ума сошел!

Раэн Мора качнул головой.

– Пока нет. Я вполне в здравом уме, поверь. Можем говорить о привилегиях или о разовой выплате, если сведешь меня с главой гильдии.

– Хм-м? А показать, что тебе принесли?

Лутаро даже улыбнулся.

– Тео, ты сколько меня знаешь?

– Давненько.

– Тогда и ответ мой знаешь. Я считаю, что направление очень перспективное. Более того, изобретатель сам еще не понял, насколько... но сотрудничество наше будет продолжено. Определенно.

– Намекаешь? – сощурился Эрнандес.

– Истион свидетель, мне кажется, что этому изобретению будет попутный ветер. – Гость сотворил знак Истиона.

Друг задумался.

– Не в первый раз, но в перспективе...

– Думаю, понадобятся вложения, – согласился Мора. – Сначала я вложусь сам. Потом уж, когда люди раскушают новинку...

– Ты сам готов рисковать деньгами?

– Готов, – решительно кивнул Лутаро.

Раэн Эрнандес задумался.

Изобретение...

Поймите правильно, все это ненадежно. Вот если бы речь

шла о месторождении алмазов (к примеру) или о государственном подряде, тут дело другое. Тут бы и кусок откусить, и себе перехватить, и друга можно... в таких делах друзей нет. А если речь идет об изобретении... ладно, допустим, у Лутаро и правда чутье. Но сколько придется вкладывать, прежде чем пойдет отдача?

Сколько пройдет времени?

Все это очень и очень сомнительно. Тут можно и не толкаться локтями, и не лезть. Наоборот, если у Лутаро не хватит денег или все окажется пшиком... надо будет посмотреть.

А пока...

– Глава гильдии кузнецов, раэн Бонифацио Киринер, мой хороший знакомый. Я составлю тебе протекцию, Лутаро. Но будешь должен.

– Когда?

– Завтра с утра. Время – тоже деньги.

Лутаро улыбнулся и принялся благодарить. Примерно на такую реакцию он и рассчитывал, честно говоря.

Столица имеет ряд преимуществ. Это верно. А еще... еще она имеет один огромный недостаток.

Она напрочь лишает критического восприятия.

Положа руку на сердце: Теодоро ведь твердо уверен, что настоящие дела делаются только в столице. Там же крутятся и настоящие деньги. А провинция... пф-ф-ф-ф!

Это провинция, вот и все. Там и дома пониже, и земля

пожиже, и люди глупее, и небо темнее... В столице жизнь кипит, в провинции тихо плюхает.

И кто такой раэн Лутаро, чтобы разочаровывать друга в его убеждениях?

Пусть Теодоро остается при своем. А Лутаро Мора... он будет действовать. Ему предстоит сложная задача.

* * *

Раэн Бонифацио Киринер был в хорошем настроении.

Бывает такое – встаешь и понимаешь, что мир-то прекрасен. Сопит под боком любимая жена, верещат в саду дети, наливаются силой нового дня мышцы... особенно некоторые. Конечно, в гильдию раэн попал чуточку позднее, чем стоило бы, ну и ладно. Зато утро хорошо прошло.

Раэн довольно улыбнулся и подмигнул солнечному зайчику на подоконнике.

А что?

Хороший сегодня день!

В дверь поскреблись.

– Раэн Бонифацио?

Вошедший был отлично знаком раэну. Гильдия кузнецов и гильдия менял... да, знакомы. Нельзя сказать, что они друг друга любят, но дело такое, житейское. Одним нужны замки, двери, ворота, ограды... Вторым – займы под божеский, а не грабительский процент, иногда денег не хватает, иногда еще

чего... Гильдии сотрудничали, и вполне плодотворно, а раэн Теодоро был не худшим представителем менял.

Дружба?

Бывает ли дружба между жабой и лягушкой? Вряд ли. Но существовать в одном пруду они вполне способны.

– Раэн Эрнандес! Рад вас видеть. Как супруга, как дети?

– Благодарю, раэн...

Любезности заняли положенные десять минут, потом раэн Киринер был представлен раэну Море, ну и наоборот, конечно. Мужчины честь честью пожали друг другу руки, поулыбались, и Бонифацио смог наконец поинтересоваться, что привело к нему гостей.

Теодоро посмотрел на знакомого с улыбкой.

– Раэн Лутаро привез вам чертежи некоего провинциального гения...

Бонифацио едва глаза не закатил.

О нет! Истион, ЗА ЧТО?! За грех с утра? Так и не грех ведь, если с законной супругой! Совести у тебя нет! Никакой, даже божественной!

Гении! Эти потрясающие гении! Капканы бы на них ставить, да не поможет. Прорвутся вместе с капканом. Снесут двери, пролезут в окно, застрянут в каминной трубе и будут орать оттуда о своей гениальности. Кто бы сомневался – не оцененной окружающими.

То есть окружающие оценили бы и добавили, но стража вечно мешает. Как увидит, что кого-то ногами бьют, так и

вмешивается, не дает хорошее дело до конца довести!

К ним бы это стадо приходило... они б их с порога начали копыями пырять. И закапывать. Хотя эти прожектеры даже на удобрения не сгодятся, их зарой, так землю отравят!

Эти мысли так четко отразились на лице раэна Бонифацио, что Теодоро улыбнулся. И сделал ручкой приятелю. Он же обещал не лезть?

Не-не-не, он и уговаривать никого не будет... тоже.

– Раэны, я вас оставлю ненадолго. Схожу поздороваюсь с остальными.

И был таков.

Бонифацио печально посмотрел в окно.

Гад ты, Тео. Нет бы и друга с собой забрать. А то ведь слушать твоего друга придется, потом гнать его отсюда... да не палкой, а вежливо... а день так хорошо начинался!

– Раэн Лутаро, я...

Тот поднял руку.

– Раэн Бонифацио, даю слово. Если вы не увидите перспективы в этой вещи, я уйду отсюда. Ровно через десять минут.

День стал намного приятнее. Ладно, десять минут он потерпит.

– Показывайте, раэн. Что там? Вечный двигатель? Алмазная сталь? Табурет с шестью ножками?

– Нет, раэн. Всего лишь сумка. Но необычная. Она сделана из двух частей. Вот это сумка. Тут я прошу вас обратить

внимание на застежку.

– Хм?

– Я не могу изготовить действующую модель, но полагаю, ваши мастера смогут. Вряд ли это сложнее замка.

Бонифацио смотрел с интересом.

А ведь... ну что там такого?

Два шнура, отверстие, пружина... ребенок сделает. Ладно-ладно, ребенок не сможет. Но кузнецы?

Сотнями выделывать можно.

– Интересная штука.

– Позволяет затянуть горловину. Сумка – обычный мешок, хотя его можно шить из ткани, кожи, играть с карманами и прочим... это уже детали. Интересна рама для сумки.

– Рама?

– Да. Всего несколько металлических полос, хоть из отходов, хоть каких, два колесика... видно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.